

А. ДЖ. РИДДЛ

ВОЙНА
СОЛНЦА

Смертельная угроза

А. Дж. Риддл

Война солнца

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Риддл А.

Война солнца / А. Риддл — «Издательство АСТ»,
2019 — (Смертельная угроза)

ISBN 978-5-17-133368-3

Миллиарды людей погибли во время Долгой Зимы, а выжившие обосновались в лагерях беженцев. Эмма Мэтьюс и Джеймс Синклер, как и остальные, надеются, что жизнь вернется в привычное русло, но продолжают с недоверием наблюдать за небом. Когда НАСА обнаруживает, что сотни астероидов направляются к Земле, Джеймс мгновенно осознает правду: опасность вернулась и им предстоит сражаться в космосе и на земле. В тот момент, когда кажется, что надежда потеряна, Джеймс находит возможный ключ к выживанию. Но чтобы спасти человечество и свою семью от новой смертельной угрозы, им с Эммой придется пойти на огромный риск. Одно можно сказать наверняка: их план навсегда изменит будущее человеческой расы.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133368-3

© Риддл А., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	55
Глава 15	57
Глава 16	63
Глава 17	65
Глава 18	70
Глава 19	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

А. Дж. Риддл

Война солнца

«Война солнца» – вымысел.

Имена, характеры, места, события и происшествия являются плодом воображения автора.

Посвящается людям, которые помогают нам вынести худшие периоды наших жизней

Пролог

Глубоко в космосе, за миллиарды миль от Земли, пробудилась древняя машина.

Сперва она проверила свои системы.

Все было нормально.

Затем она обнаружила, что послужило причиной ее пробуждения, – сообщения.

Внутри полученного пакета данных была простая команда. Задача, которую машина выполняла уже тысячу раз, – уничтожить примитивную цивилизацию.

Для вычисления оптимального пути ликвидации цели машина провела несколько симуляций. Вопрос был не в том, может ли она смести с лица вселенной первобытные племена, а в том, как это сделать с наименьшими затратами энергии. Во вселенной энергия – наиболее ценный ресурс. Сети нужна энергия звезды из звездной системы, где живет примитивная цивилизация.

Скоро она ее получит.

Машина включила двигатели и начала движение по направлению к планете, которую местные обитатели называют Землей.

Глава 1

Джеймс

Руки доктора и пол залиты кровью.

Эмма сжимает мою руку так сильно, что не уверен, смогу ли выйти из комнаты, оставив конечность при себе. Она кричит, и я вздрагиваю, будто от пронизывающего порыва ветра.

– Вы не можете дать ей что-нибудь? – спрашиваю я, все еще ощущая дрожь.

– Слишком поздно, – говорит доктор, взглянув на нее. – Еще немного, Эмма.

Она стискивает зубы и снова тужится.

– Вот так, – ласково продолжает доктор, протянув руки.

Почему она не согласилась на эпидуральную анестезию? Я предлагал. Сейчас бы она очень пригодилась.

Я врач, хотя так и не закончил образование и не занимался медициной, потому что знал, что меня всегда звала робототехника и искусственный интеллект. Единственное, в чем я уверен – я бы точно не смог работать акушером. Для таких моментов нужны стальные нервы.

Эмма снова тужится, и по комнате разносится крик, звонкий и чистый, – самый лучший звук, который я когда-либо слышал.

Доктор, крепко держа ребенка, показывает его Эмме.

Ее глаза наполнены слезами, грудь вздымается, и она, обессиленная, опускается обратно на кровать. За все то время, что я ее знаю, я ни разу не видел ее такой счастливой. Да и сам таким никогда не был.

– Поздравляю, – говорит доктор, – у вас девочка.

Он передает ребенка ожидающей группе врачей и лаборантов, чтобы те провели необходимые тесты.

Наклонившись, я обнимаю Эмму и целую ее в щеку.

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, – шепчет она в ответ.

Медсестра кладет ребенка Эмме на грудь, и та пододвигает ее поближе.

На лице Эммы я вижу облегчение. Она волновалась, что ребенок родится с дефектами, явившимися следствием радиации, которой Эмма подверглась в космосе.

Поначалу я тоже так думал. Но доктора заверили нас, что с ребенком все будет в порядке по нескольким причинам. Во-первых, новые челноки, созданные НАСА, гораздо лучше защищены от радиации, чем те, что были изготовлены десятилетия назад. Во-вторых, наша дочь была зачата спустя несколько месяцев после того, как мы вернулись с Битвы на Церере. И Эмма, и я сам – как и вся остальная команда – по приземлении прошли биологическую изоляцию. Там над нами проводили процедуры, чтобы улучшить плотность костей, и антирадиационную терапию.

Когда мы узнали, что Эмма беременна, Идзуми и остальные врачи провели все тесты на свете и показали нам результаты. Но Эмма все равно волновалась. Впрочем, мы оба, подобно всем родителям первенца. Теперь, по-видимому, они были правы: наша дочь здорова и прекрасна. Мы решили назвать ее в честь матери Эммы – Эллисон.

– Добро пожаловать в этот мир, Элли, – шепчет Эмма.

* * *

Крик эхом разносится в ночи. Радионяня возле кровати Эммы практически вибрирует, заполняя нашу спальню громким звуком. Жена перекачивается на бок и смотрит на сине-зеленую картинку прибора ночного видения.

Элли лежит на спине в центре своей кровати, туго запелёнанная. Ее лицо искажено криком, ротик раскрыт, и она плачет не переставая. У меня не укладывается в голове, как такой маленький ребенок может так громко кричать.

– Я разберусь, – бормочу я, садясь и сбрасывая ноги с кровати.

– Нет, – Эмма берет меня за руку. – Тебе завтра рано на работу.

– Согласен, но я все равно разберусь.

Поцеловав ее в лоб, я подтягиваю одеяло повыше. Ей необходимо отдохнуть.

Последний месяц измотал нас обоих, но больше всего досталось Эмме. Теперь ее очередь расслабиться.

Спотыкаясь, я захожу в детскую и вынимаю Элли из ее колыбельки. Прижав к груди, я покачиваю ее, ходя туда-сюда. У Эммы это получается лучше. У нее певучий голос, и она точно знает, что говорить. Я же напоминаю жуткую марионетку, пытающуюся успокоить ребенка, повторяя «Все в порядке... все хорошо». Я даже песен не знаю.

В дверях появляется Оскар и шепчет:

– Сэр, я могу помочь?

У него много умений, но ничего подобного в их число не входит. Я не осуждаю – в числе моих навыков такого тоже нет.

– Нет, все в порядке.

Усевшись в кресло-качалку, я начинаю тихо раскачиваться, в то время как Элли невинно смотрит на меня своими голубыми глазами, возможно, даже с некоторой толикой любопытства. Я вкладываю свой указательный палец в ее маленькую ладошку и жду. Секундой позже ее пальчики обхватывают его. Улыбнувшись, я с восхищением смотрю, насколько она маленькая и хрупкая. Насколько она чиста, настолько грубый и смертельно опасный мир ее ждет.

До рождения Элли у меня был целый список беспокойств. Теперь осталось только одно: она. Я понимаю, что все родители беспокоятся о мире, который ждет их ребенка, но мир, в который мы принесли Элли, испытывает кризис, разрываясь между ежедневной борьбой и войной, о которой мы знаем только, что она идет.

Миллиарды умерли во время ледникового периода, известного как Долгая Зима. Спаслось только девять миллионов. Когда лед распространился по Земле, уцелевшие собрались в последних обитаемых областях, построив огромные лагеря для беженцев. Хотя Долгая Зима и закончилась, мы все еще живем в лагерях, несмотря на то, что растет движение за то, чтобы вернуться на родину и начать все с начала.

За ежедневными хлопотами маячит угроза, о которой мало говорят, но никогда не забывают: Сеть. Некоторые считают, что инопланетная сущность, принесящая Долгую Зиму, ушла навсегда. Но я не могу в это поверить.

Если Сеть вернется, она должна будет нас прикончить, должна будет развязать войну ради окончания всех войн. Я хочу быть к этому готовым. Это моя работа, и кроме того, теперь я отец.

* * *

Когда Элли наконец-то снова засыпает, за окном еще темно. Мне стоит лечь обратно в постель, но я слишком взвинчен. Слишком тяжело быть без работы столько месяцев.

В своем офисе – укроном уголке нашего обиталища – я проверяю электронную почту и просматриваю ленту новостей.

В уменьшенном окошке видеоряда я вижу репортера, который стоит на фоне замерзшего ландшафта. Два года назад я был бы уверен, что такой можно увидеть в Антарктике. Теперь нельзя сказать наверняка – половина мира выглядит подобным образом. Внизу экрана дано местоположение: Вашингтон, округ Колумбия.

За спиной репортера дюжина вертолетов и толпы солдат стоят вокруг гигантского экскаватора. Нажав на кнопку воспроизведения, я вижу, как машина начинает копать, постепенно открывая что-то глазам собравшихся.

Голос корреспондента громко раздается в моем офисе, и я спешу сделать звук потише.

– За моей спиной военные силы предпринимают первый шаг для повторного открытия родной американской земли.

Камера приближается, показывая, что за объект скрывается под снегом: купол Капитолия.

В кадр снова возвращается репортер.

– Леди и джентльмены, мы возвращаемся домой.

Мой взгляд привлекает новый видеоролик, который я не хочу смотреть, но не могу удержаться, чтобы не включить.

Звучит вступительный джингл¹, и на стене из снега медленно проступает логотип шоу «Точка плавления с Крейгом Коллинзом».

«Точка плавления» – одна из самых популярных сейчас новостных программ в АтлантНете и одна из немногих, которые транслируются на весь мир благодаря недавно выведенным на орбиту спутникам.

– Сегодня мой гость – признанный эксперт в области робототехники, доктор Ричард Чендлер. Он здесь, чтобы поговорить о своей новой книге «Спасая Землю: реальная история отчаянной миссии НАСА по окончании Долгой Зимы».

На экране появляется обложка книги, а затем в кадр снова возвращаются Крейг и Чендлер, сидящие за небольшим столом.

– Спасибо, что пришли, мистер Чендлер.

Мой бывший университетский профессор и наставник, а позднее заклятый враг, улыбается точно чеширский кот.

– Всегда к вашим услугам.

– Давайте сразу перейдем к вашей книге. О ней сейчас говорят все. Сколько раз ее прочли в интернете – миллион?

– Как минимум. Я точно не знаю. За подобными вещами я не слежу, а лишь хочу сказать то, что знаю.

– Ну, как минимум, несколько людей с отдельными рассказами не согласятся. Я говорю конкретно о ваших утверждениях касательно миссии первого контакта и Битве на Церере. С вашей точкой зрения дискутировали и представители НАСА, и официальные лица трех супердержав.

Чендлер пожимает плечами, очевидно, не сильно беспокоясь об этом.

– У них есть все основания, чтобы оспаривать их, ведь они хотят быть единственным источником правды. Только так они могут гарантировать, что останутся у власти. Но по мере того как лед тает, также слабеет их контроль над населением мира. Их цель – проект «Солнечный щит», но реальность такова, что нам нужен сбалансированный подход к защите Земли, и мы должны больше внимания уделить тому, что нужно людям.

¹ Джингл (от *англ.* jingle) – мелодия, обозначающая на радио или телевидении канал или передачу. – *Здесь и далее прим. пер.*

– А что же нужно?

– Вернуться домой: в те города и дома, которые мы оставили. Вернуть жизнь в нормальное русло. Это то, чего хотят люди и чего больше всего боятся три главных правительства.

– Давайте на минуту вернемся к книге. В ней вы пишете, что были центральной частью планирования и выполнения первой контактной миссии, а также Битвы на Церере, где мы победили Сеть. И теперь вы утверждаете, что вы исключены из любых дальнейших миссий и планирования. Но общепринятой считается версия, что Джеймс Синклер был ведущим ученым и робототехником в миссии. Как вы согласовываете эти две точки зрения?

– Я бы посоветовал зрителям взглянуть на неопровержимые факты. Никто в НАСА не может отрицать, что я был первым робототехником, с которым связались по поводу миссии. Никто не может отрицать, что я был в Космическом Центре им. Кеннеди, когда команда была собрана и проинформирована. Да, Синклер отправился на «Пакс» и управлял Спартанским флотом. Я остался здесь, на Земле, в отделе планирования – по уважительной причине. Вы не подвергаете свои величайшие умы опасности. Мы знали, что миссии были чрезвычайно опасны. Нам нужно было планировать будущее.

Чендлер делает паузу, кажется, ему больно от того, что он собирается сказать.

– Я бы также посоветовал зрителям взглянуть на источник. Возможно, единственный факт, который никто не может отрицать, – это то, что Джеймс Синклер является осужденным преступником. Перед Долгой Зимой правительство Соединенных Штатов считало его угрозой общественной безопасности. Они заключили его в тюрьму. И именно там – в тюрьме – он пребывал, когда планировалась первая контактная миссия. Ему предложили условное помилование в обмен на его службу на борту космических кораблей.

Чендлер дипломатично кивает.

– Я готов отдать ему должное: Синклер проделал хорошую работу во время двух космических миссий. Но действительно ли мы хотим, чтобы осужденный преступник, такой как Синклер, руководил нашими усилиями по защите Земли? Нам нужен другой тип ответственного лица. Тот, кто показал бы, что действует в интересах общества, а не в своих собственных.

Это продолжается уже несколько месяцев – Чендлер публично критикует меня, рассказывая полуправду и восхваляя самого себя. Это правда, он был на предварительной встрече в НАСА перед началом миссии первого контакта. Но его планы относительно робототехнической части миссии сильно ограничили бы наши шансы на успех. Я бросил ему вызов, и когда Чендлер стал слишком агрессивным, доктор Лоуренс Фаулер, директор НАСА, снял его с миссии. Оглядываясь назад, я думаю, что исключение Чендлера из экипажа, вероятно, спасло миссию. А может быть, и весь мир.

Я не могу больше смотреть. Я вообще не должен был открывать это видео. Но в глубине души я знаю, что, если общественное мнение обернется против правительства, мы не будем бороться с Сетью, а начнем сражаться между собой. Мы не можем себе этого позволить.

Глава 2

Джеймс

Выйдя из дома, я шагаю по переполненной улице, под ногами хрустит грязь из тающего снега и рыхлого песка.

Здесь, в лагере № 7, в бывшем Северном Тунисе, солнце лишь слегка выглядывает из-за горизонта, проливая туманный желтый свет на белые куполообразные обиталища, которые торчат из песка, точно расплавленные зефирки.

В такие утренние часы, когда солнце, которое мы всегда знали, ярко светит, легко понять, почему люди думают, что мы в безопасности. Что каждый может запросто вернуться на родину и все будет нормально. Но что теперь значит нормально? Существуют ли банки и другие компании, которые работали до Долгой Зимы? Что по поводу ипотечных кредитов, которые люди платили за свои дома? А задолженности по кредитным картам? А банковские счета? Остались ли вообще какие-то записи?

До Долгой Зимы я всегда чувствовал себя в этом мире чужаком, человеком без реального места, человеком, который не понимал, каким был мир и почему люди делают то, что они делают. Внезапно я чувствую себя почти человеком. Лагерь № 7 – единственный дом, который я хочу иметь. Сюда мы с Эммой вернулись после первой контактной миссии, разбитые и потерявшие всякую надежду. Именно здесь мы с Оскаром вылечили Эмму, когда она была слишком слаба и не могла ходить. Это место, где мы с Эммой влюбились друг в друга, где родился наш ребенок и где живут мои друзья и семья.

Для меня это дом.

* * *

В штаб-квартире НАСА у меня есть личный кабинет рядом с офисом Фаулера. Я не провожу там много времени и обычно работаю со своей командой в нашей большой мастерской, создаю прототипы для дронов и проектирую корабли, которые будут защищать Землю.

Как обычно, приехав в мастерскую, я обнаруживаю там свинарник. Приятно видеть, что и сейчас ничего не изменилось. Наши длинные металлические рабочие столы сплошь завалены изуродованными частями беспилотников, прерываемыми только плоскими экранами, которые возвышаются среди обломков, как рекламные щиты посреди миниатюрной свалки.

Вся команда здесь: Гарри Эндрюс, второй робототехник в этом проекте; Григорий Соколов, российский космонавт и электротехник; Лина Фогель, немецкий ученый-компьютерщик; Мин Чжао, китайский навигатор; Идзуми Танака, японский врач и психолог; и Шарлотта Льюис, австралийский археолог и лингвист. Оскар тоже здесь, работает, тихо устроившись в углу.

Я ожидаю семь улыбающихся лиц, несколько «с возвращением» и, возможно, объятие или два. Но мое прибытие не вызывает ничего, кроме серьезных выражений лиц. Никто не двигается с места, чтобы поприветствовать меня.

Наконец Гарри подходит и кладет руку мне на плечо. Он на двадцать лет старше меня и всегда готов пошутить, но сейчас он говорит очень серьезно:

– Привет, Джеймс. У нас есть кое-что, что ты должен увидеть.

Не говоря ни слова, он выводит меня из комнаты в коридор.

– Увидеть что? – спрашиваю я, вынужденный бежать, чтобы не отстать от него.

– Мне нужно показать это тебе, – отвечает Гарри, останавливаясь у двери в одну из стерильных комнат. Мы используем их только тогда, когда нам нужно воссоздать стерильность безвоздушного пространства.

О чем вообще речь?

Гарри слегка наклоняется, подставляя глаза под луч сканера сетчатки, и дверь шлюза открывается. Он проходит мимо синих скафандров и шлемов, висящих на стене.

– Нам нужно одеться? – спрашиваю я, переводя взгляд сначала на Гарри, затем снова на команду. Все избегают встречаться со мной глазами.

– Нет, – отвечает Гарри. – Карантин уже прошел. Это не угроза... если только на тебя не попадет.

– Карантин? Что случилось на карантине? Что происходит, Гарри?

– Лучше, если мы покажем тебе, – тихо говорит он и заходит во внутреннюю дверь.

Комната пуста, за исключением длинного металлического стола, на котором лежит один предмет: белая пластиковая коробка размером с чемодан. Гарри направляется к ней.

– Ты единственный, кто способен с этим справиться, Джеймс.

Команда не сводит с меня глаз, когда я подхожу к коробке и медленно открываю откидную крышку.

Внутри лежит маленький предмет: серебряная сумка со значком биологической опасности.

– Это органическое вещество, – поясняет Гарри, наклоняясь вперед, чтобы встать рядом со мной за столом, – образец. Мы думаем, что сущность, создавшая его, прибыла на Землю сразу после вашего ухода. – После паузы он добавляет: – Нам нужно, чтобы ты сказал нам, что с этим делать.

Я больше не могу устоять перед тайной ни секунды. Осторожно сняв печать с пакета, я заглядываю внутрь: там белый и как будто опухший предмет размером с мою руку.

Мое лицо расслабляется, когда я понимаю, что это такое. Я медленно киваю.

– Вы, ребята, весельчаки. В самом деле.

Всех разрывает неконтролируемый смех.

– И вот этим вы занимались, пока меня не было? – Я пытаюсь быть серьезным, но не могу больше сдерживаться. На моем лице появляется улыбка, и я качаю головой, стараясь не смеяться.

В моих руках подгузник.

– Это и есть уровень зрелости команды самых гениальных людей, на которых мир надеется, что они его спасут? Шутки про подгузники?

Лицо Гарри снова становится серьезным, и он шепчет:

– Нам нужно, чтобы ты сказал нам, что с этим делать, Джеймс. – Он делает паузу. – Ты единственный, кто может с этим справиться.

После этого хохот начинается по новой. Улыбается даже стоящий в дверях Оскар, который внимательно изучает окружающие его лица, стараясь запомнить их реакции.

Именно тогда я понимаю, что на самом деле, судя по весу, в подгузнике что-то есть. Да неужели... Из-за странной смеси ужаса и любопытства я медленно расстегиваю подгузник, открывая темно-коричневый шарик. Нет... Ну не могли же они...

И снова, симулируя серьезность, Гарри повторяет свои предыдущие слова:

– Это органично.

Григорий отрывается от группы и подходит ко мне, держа руку в кармане.

– Не беспокойтесь, Джеймс. Я пришел к вам на помощь.

Русский инженер разворачивает бумажный пакет и достает бублик. Прежде чем я успеваю отреагировать, он берет у меня подгузник, выливает клейкое коричневое содержимое на бублик и складывает пополам... Потеряв дар речи, я смотрю, как он откусывает.

Он пожимает плечами, произнеся с набитым ртом:

– Что? Не похоже, что они еще будут когда-нибудь производить Nutella.

* * *

После серьезного обсуждения с командой насущных вопросов мы с Оскаром спускаемся в подвал штаб-квартиры НАСА, в лабораторию, к которой имеют доступ только он и я. Это место, где я работал над секретным проектом, который, как я думал, сможет спасти человечество от грядущей войны.

Когда я вхожу в комнату, светодиодные фонари включаются автоматически, освещая пещерообразное пространство с его бетонными стенами и полом и металлическими балками над головой. Мои шаги эхом отдаются вокруг, когда я иду к своему прототипу.

– Просыпайся. Запустить проверку системы, – зову я.

– Меня зовут Оливер. Все системные тесты прошли успешно.

Оливер выглядит точно так же, как Оскар, но при этом обладает значительными программными обновлениями. Одним словом, Оливер создан для битвы: на Земле или в космосе. Если у нас будет хоть какой-то шанс победить Сеть, нам понадобится много андроидов, подобных ему.

* * *

Офис Фаулера похож на мой: минимум украшений, стена, увешанная плоскими мониторами, и семейные фотографии на столе.

Самый большой настенный экран отображает в реальном времени недавно отстроенную Международную космическую станцию, сверкающую на фоне черноты космоса. Она была сконструирована тремя мировыми сверхгосударствами: Атлантическим Союзом, в котором живем мы с Эммой, Странами Каспийского Договора, в котором проживают выжившие из России и Ближнего Востока, и Тихоокеанским Альянсом, ставшим домом для жителей бывшей Азии. Моя команда была тесно связана с проектированием и строительством, включая консультации с Эммой. Она была командиром миссии на борту оригинальной МКС, когда Сеть разрушила ее, убив всю ее команду. Я думаю, что работа на новой станции была для нее сродни мощному успокоительному. На самом деле, для всех нас это было символическим достижением – примером того, чего мы можем достичь за короткий промежуток времени, если будем работать вместе. Но что более важно, МКС является практическим инструментом защиты Земли. Новая станция будет намного больше, чем последняя: это будет верфь, и на ней мы построим флот, который будет защищать человечество.

Наш план защиты Земли состоит из двух частей: беспилотники и космические корабли.

Наши беспилотники «Центурион» будут способны как вести наблюдение, так и атаковать противника. Большая часть из шести тысяч «Центурионов», которые мы планируем построить, расположится вблизи Земли. Остальные будут разбросаны по всей Солнечной системе, находясь в режиме ожидания и наблюдать.

Космические корабли будут нести подавляющее большинство наших наступательных способностей. Мы называем их суперносителями, и каждый из них сможет перевозить и развертывать десять тысяч боевых дронов. Мы ожидаем, что первый подобный носитель войдет в эксплуатацию через пять лет, хотя не удивлюсь, если нам понадобится немного больше времени. На экране во все стороны от МКС отходят ветви строительных лесов, и начинается работа над нашим первым опытным суперносителем, «Иерихоном».

– Хорошо, что ты вернулся, – говорит Фаулер, поднимаясь со стула и протягивая руку. – Как Эмма и Элли?

– У них все отлично, – отвечаю я, садясь. – Спасибо, что спросил. Ну а ты как?

– Давайте просто скажем, что если в лагере кончится кофе, я этого не вынесу.

– Да, концентрация кофеина в твоей крови какое-то время превышает норму.

Фаулер прикусывает губу.

– Послушай, у меня плохие новости, поэтому я начну с них. Комитет защиты Тройного Альянса отклонил вашу просьбу запустить Оливера в производство.

– Они сказали почему?

– Не совсем. Но я думаю, что они обеспокоены тем, что Сеть может поставить под угрозу любую армию андроидов.

– То же самое относится и к беспилотникам.

– Возможно. Но беспилотники не стоят у них на заднем дворе, в ста футах от дома, способные убить их ночью.

– Ты видишь какой-нибудь шанс для переговоров?

– На самом деле, нет. Они видят в этом проблему. Но позволяют вам продолжить работу по разработке. Они ценят наличие рабочего прототипа и надежного дизайна на тот случай, если нам когда-нибудь понадобится запустить Оливера в серийное производство.

Это решение – удар по моей работе, и я считаю его неправильным. Если мы закончим войной на Земле, нам понадобится помощь.

Я хочу спросить о прогрессе в создании «Иерихона» и о многих других вещах, но не могу не упомянуть интервью Ричарда Чендлера. На данный момент он может быть большей угрозой, чем Сеть.

– Ты смотрел выпуск «Точки плавления» сегодня утром?

Обычно по-дедовски доброе выражение лица Фаулера становится жестким.

– Я видел. Не беспокойся о Чендлере.

– Трудно этого не делать.

– Боюсь, у нас есть проблемы поважнее. Эти корабли и дроны понадобятся нам раньше, чем я думал.

– Что я пропустил?

– Кучу мелочей. И три очень большие вещи.

Фаулер нажимает на клавиатуру, и настенный экран переключается на карту Солнечной системы, со звездой в центре, планетами вокруг и тонкими белыми линиями, прочерчивающими их орбиты.

Он нажимает еще одну клавишу, и изображение приближается к Поясу Койпера, области астероидов и карликовых планет, которые окружают всю Солнечную систему чуть дальше Нептуна. Три объекта вырвались из Пояса и направились к внутренней области нашей звездной системы.

– Как ты хорошо знаешь, потребовалось много усилий, чтобы просто установить эти зонды возле Пояса Койпера. Мы до сих пор не знаем, какова масса Пояса, но мы предполагаем, что она может быть в двести раз больше, чем в Поясе астероидов.

– Гораздо больше массы, необходимой для Сети, чтобы построить оружие и солнечные ячейки.

– Правильно. В Поясе Койпера три карликовые планеты, включая Плутон. Мы привыкли думать, что большинство периодических комет возникли в Койпере, но впоследствии эти данные были опровергнуты. Пояс динамически устойчив, поэтому мы были так удивлены, увидев, как эти астероиды отрываются от него.

Смысл мне понятен: Сеть вернулась. Вероятно, отправила к нам другую машину, похожую на первую, – «сборщика» – корабль, способный путешествовать по нашей звездной системе и превращать сырье в необходимые ему солнечные ячейки.

– Вы думаете, что новый «сборщик» послал астероиды на Землю?

- Я чувствую, что мы должны исходить из этого предположения. Если это так, значит, новый «сборщик» прибыл некоторое время назад.
- Сколько у нас времени до удара?
- Мы все еще работаем над прогнозами.
- Лучшая догадка?
- Два года. Очень приблизительно.
- Суперносители ни за что не будут готовы к тому времени. Даже если мы ускорим строительство, то опоздаем на год, а может, и больше.
- Согласен. Нам придется уничтожить астероиды с помощью флота дронов. Большого флота. – Фаулер наклоняется вперед. – Насколько это выполнимо?
- Я не знаю.

Глава 3

Эмма

Два года спустя

Дом заполнен моим любимым звуком – топанием по полу маленьких ножек.

Как бы я ни хотела, я не в состоянии преследовать Элли этим утром. Я опираюсь на стену, ожидая, пока пройдет тошнота.

Из родительской ванной я слышу, как шаги затихают – открываются ящики на кухне, после чего до меня доносится грохот их содержимого.

– Элли, – кричу я, – вернись туда, где я могу тебя видеть.

В ответ тишина, и только звук новостной передачи раздается из колонок, расположенных по всему дому.

В сегодняшнем докладе Организации Объединенных Наций говорится, что впервые с тех пор, как закончилась Длинная Зима, за пределами эвакуационных лагерей живет больше людей, чем внутри, поскольку продолжается волна эмиграции из Атлантического Союза, Каспии и Тихоокеанского Альянса. Новый Берлин возглавляет список городов с наибольшим населением, затем следуют Атланта и Лондон.

Но темпами миграции из эвакуационных лагерей довольны не все. Доктор Ричард Чендлер, один из ученых, сыгравших важную роль в разгроме Сети, призывает супердержавы уделять больше внимания возвращению своих граждан на родину. Вот выдержка из вчерашнего выпуска «Точки плавления» с Крейгом Коллинзом: «Сеть исчезла, но подавляющее большинство мировых экономик направлено на оборонные расходы. Эти эвакуационные лагеря стали не более чем принудительными трудовыми лагерями. Мы все бесконечно работаем над суперкораблями Джеймса Синклера, и, по его словам, беспилотники спасут нас. Ну, правда в том, что Сеть может не вернуться в течение ста лет. Или тысячи лет, или вообще когда-либо. И все же мы живем в крайней нищете, не имея ни голоса, ни основных прав. Это должно измениться».

Мне действительно не нравится этот человек. Не так сильно, как Джеймсу, но все же. Он повсюду в новостях, лжет и создает проблемы. К сожалению, у него тоже есть последователи.

Еще один ящик на кухне открывается.

– Элли, я серьезно! Твое время выходит через...

Тишина.

– Три.

– Два.

– Один!

Раздается шлепанье крошечных ног по полу, точно началась гонка, и в дверях ванной, невинно улыбаясь, появляется Элли.

– Что я тебе говорила? Никаких игр в ящиках стола. Только мама и папа могут открывать ящики.

У некоторых детей грустнеет только лицо. У Элли грусть выражается во всем теле: поникает голова, опускаются плечи, руки повисают по бокам – как будто ее покидает вся энергия. Обычно она находится в одном из трех состояний: счастливая игра и активность на полную катушку; сон; или текущее состояние угрюмости (которое перерастает в нытье, когда она не понимает, что от нее хотят – это бывает несколько раз в день).

Со своего насеста в закрытом туалете я указываю на игрушки на полу в ванной: семь браслетов, овечку и желтую резиновую уточку.

– Мне нужно, чтобы ты играла здесь, пока я не закончу. Ладно?

Еще одна волна тошноты охватывает меня. Такое чувство, будто меня выбросили из самолета, и я нахожусь в свободном неконтролируемом падении.

Элли подходит ближе, протягивает руку и обнимает меня, ее крошечные ручки обвивают нижнюю часть моего живота, но они слишком коротки, чтобы сомкнуться. Она смотрит мне в глаза, изучая меня.

– Мама бо-бо?

– Нет, – шепчу я. – Я в порядке, милая.

– Маме грустно?

Я кладу руку ей на спину и осторожно глажу.

– Нет. Я в порядке. Просто играй со своими игрушками. Все в порядке.

Я снова закрываю глаза и жду. Когда тошнота проходит, я вижу, что Элли положила браслеты на руку, расположив их в порядке, понятном только ей одной. Без предупреждения она наклоняется и поднимает с пола изюм.

– Нет, милая, не ешь это.

Элли подносит изюм к пасти овцы, как будто кормя ее, и делает паузу. Она смотрит на меня с искоркой озорства в глазах.

Я улыбаюсь.

И она съедает изюм, прежде чем я успеваю остановить ее. Я понятия не имею, как долго он валялся на полу. Точно не с момента завтрака. Но если наши человеческие предки были достаточно выносливы, чтобы пережить катастрофу Тоба² и пересечь Берингов пролив, Элли, вероятно, переживет изюм с пола. Может быть, он лежал там два дня. Возможно, три.

Я открываю ящик своего тщеславия и нащупываю личный анализатор здоровья. Я держу его на пальце и жду, пока он наберет несколько капель крови и проведет рутинные анализы. Устройство подает звуковой сигнал, и результаты отображаются на дисплее. Химический состав крови нормальный, за исключением пограничного низкого уровня витамина D.

Лагеря находятся вне контроля над рождаемостью (в начале массовой эвакуации этот показатель был внизу в списке приоритетов – правительства отдали приоритет пище, жилью и лекарствам, спасающим жизнь). Мы с Джеймсом были осторожны, но последние два года были чрезвычайно напряженными. Время нашей спальни стало необходимостью.

Я прокручиваю список вниз, затаив дыхание. И выдыхаю, когда вижу результат:

БЕРЕМЕННОСТЬ: ДА

* * *

Когда мы проходим через контрольно-пропускной пункт в НАСА, Элли держит меня за руку. Как обычно, она несет крошечный рюкзак, который сделал для нее Джеймс. По своему обыкновению, он пошел дальше, оснастив его GPS-трекером, камерой и динамиком, который мы можем использовать для общения с ней. Я не удивлюсь, если он тайно построит какой-нибудь скрытый атакующий беспилотник, чтобы защитить ее.

Мы с Джеймсом оба работали в НАСА и каждое утро вместе провожали Элли в детский сад. Но последние восемь месяцев или около того, когда я просыпалась, Джеймс уже уходил на работу и возвращался домой после наступления темноты. Он до смерти загнал себя. Хотя я

² Речь идет об извержении супервулкана в Индонезии около 75 млн лет назад.

и понимаю, что все это для того, чтобы защитить нас, но хотела бы, чтобы он больше времени проводил с семьей.

У входа в детский сад Элли отпускает мою руку и пытается побежать, но я хватаю ее и обнимаю. Стоит мне отпустить дочь, как она срывается с места, словно чистокровный скакун после первого сигнала Кентуккского дерби. Рюкзак на ее спине подпрыгивает, когда она пронесется мимо учителя, который машет мне рукой.

Когда я иду по коридорам штаб-квартиры НАСА, то мельком замечаю, как меня узнают те, кто мог просматривать новостные ленты. Некоторым из них просто любопытно, что я хромаю.

Хромота – это последствия того времени, что я провела в космосе, и снижения плотности костей, которое я перенесла. Лучше мне уже не будет, и из-за этого в космос я никогда не вернусь, во всяком случае, на длительный период времени.

С детства я мечтала стать космонавтом. И достигла этой цели, но две битвы с Сетью не позволили мне продолжить карьеру, которую я так любила. Как и все в этом странном новом мире после Долгой Зимы, я адаптировалась и нашла новую роль, которой очень рада.

Такова жизнь. Вещи всегда меняются. И мы должны изменяться вместе с ними.

Зал наполовину полон, когда я выхожу на сцену. Пятьдесят лиц смотрят на меня с поднимающихся амфитеатром рядов аудитории; планшеты наготове. Мои ученики напоминают мне меня же, когда я тренировалась в НАСА: энергичные, светлые глаза и преданность делу. Некоторые из этих мужчин и женщин станут членами экипажей двух суперкораблей-носителей, которые строятся прямо сейчас. В сражениях с Сетью они будут на передовой. Наше будущее в их руках, и моя работа состоит в том, чтобы подготовить их. Для этого есть только один способ, но, тем не менее, я боюсь того, что собираюсь сделать.

Я подхожу к кафедре и говорю в микрофон, мой голос взлетает куда-то под потолок зала:

– Космос – опасное место. – Я позволяю словам повиснуть в воздухе, словно предупреждению. – Итак. Что является ключом к выживанию в космосе?

Я сказала классу, что в следующие три сессии их ждет экзамен. Он не будет проходить в письменной форме; все и так это знают по историям, переданным прошлыми классами. Это будет упражнение, которое никто никогда раньше не видел. Как и ожидалось, они думают, что их ответы теперь могут быть частью теста. Из каждого ряда аудитории раздаются голоса:

- Кислород.
- Сила.
- Ситуационная осведомленность.
- Сон.
- Способная команда.
- Хороший учитель.

Последний вариант получает несколько смешков от группы и мрачноватую улыбку от меня, но это не поможет французскому инженеру получить хорошую оценку.

– Быть готовым ко всему, – произносит стройная девушка с клубнично-светлыми волосами в первом ряду, когда ответы стихают.

Я киваю ей.

– Верно.

Рукой я делаю знак в сторону костюмов EVA³, которыми стены увешаны, точно причудливыми шторами в театре. Костюмы, используемые НАСА в космосе, сегодня являются не просто украшением. Здесь сто костюмов, по два на каждого студента. Я сама проверяла.

– Например, всегда нужно знать, где находится ваш костюм EVA.

Студенты поворачиваются на сиденьях, разглядывая костюмы.

³ Имеется в виду костюм для работы в открытом космосе (от *англ.* extravehicular activity).

– Почему? Потому что никогда не знаешь, когда он тебе понадобится. Я знаю, потому что тогда на МКС, если бы я добралась до своего костюма несколькими секундами позже, меня бы здесь не было.

Пока ученики переваривают мои слова, я думаю, что если бы я вовремя не добралась до своего костюма, то никогда бы не встретила Джеймса, не родила Элли и не носила бы второго ребенка, растущего во мне прямо сейчас. Все мои коллеги по команде опоздали надеть костюмы – кроме одного. К его несчастью, его поразили осколки. Он ничего не мог сделать, чтобы выжить, как и я, чтобы спасти его.

– В космосе каждая секунда имеет значение. Доля секунды может стоить жизни – вам или человеку рядом. И всем, кто остался на Земле. Иногда вы ничего не можете сделать, чтобы выжить. Но вы всегда можете быть готовы, и это всегда повышает ваши шансы на выживание.

Я щелкаю пальцами.

– Надеть костюмы. Последние пять вылетают.

Зал превращается в хаос, когда студенты практически срываются со своих мест и бегут к свисающим со стен костюмам EVA. Вскоре комната напоминает огромную игру в твистер: студенты толкаются локтями и переползают друг к другу, чтобы добраться до костюмов и натянуть их на себя.

Когда мои пятьдесят учеников одеты, я даю команду снять шлемы. Каждый из них тяжело дышит, уставившись на меня.

– Я проверю запись, – говорю я, отправившись к камерам за сценой, – и отмечу последних пятерых. Если вы не получите от меня электронное письмо, значит, вы еще в классе. Для всех тех, кто не попал в пятерку, надеюсь, вы еще туда попадете. Помните, в космосе главное – не сдаваться.

* * *

Хотя он работает долгие часы и я все реже и реже вижу его дома, Джеймс всегда встречается со мной на обеде. Это наш ритуал, передышка в середине наших напряженных рабочих дней.

Все утро я спорила сама с собой о том, когда поделиться новостями. Я никогда не умела хранить секреты. С самого детства все мои чувства были совершенно ясны окружающим. Он сразу поймет, что что-то случилось, и, проще говоря, я должна ради самой себя сказать ему, что беременна.

Он стоит в кафетерии и ждет моего появления. На его лице беспокойное выражение, но оно озаряется улыбкой, стоит ему лишь увидеть меня. Гусиные лапки в уголках его глаз и морщины на лбу за последние несколько лет стали глубже, словно колеи, пронизывающие его временем и стрессом. Но его глаза смотрят так же: напряженно и нежно.

– Привет, – говорит он.

– И тебе привет.

Его тон становится более серьезным.

– Послушай, я должен тебе кое-что сказать.

– Я тоже.

– Seriously? – Он хмурит брови.

– Да. – Я примирительно поднимаю руку. – Но ты первый.

Он делает паузу, как будто собираясь с мыслями.

– Ладно. Но не здесь.

Мы выходим из кафетерия, и я следую за ним в его кабинет. Там на экране я вижу три видеопотока, показывающие скалистые сферические астероиды. Отметка даты и времени внизу изображения говорит мне, что это живая трансляция, видимо, с зондов или дронов. У

всех астероидов есть большие кратеры, но без системы отсчета я не чувствую, насколько они велики или где они находятся.

– Эти три астероида вырвались из Пояса Койпера около двух лет назад. С тех пор мы их отслеживаем.

– Они...

– На траектории столкновения с Землей? Да.

Мое тело немеет, во рту пересыхает.

– Размер? Время до столкновения? – Я задаю вопросы без эмоций, пока мой ум изо всех сил пытается осознать этот потенциальный смертельный удар по нашему виду.

– Каждый размером с Техас. Падение любого из них будет событием, которое приведет к исчезновению всего живого. Время до столкновения – сорок два дня.

– А корабли-суперносители...

– Не будут готовы вовремя. Совсем. – Он поворачивается и смотрит на меня. – Но они нам не понадобятся.

– Орбитальная система защиты может справиться с ними?

– Нет. Они могли бы уничтожить астероиды поменьше, но небесное тело подобных размеров – нет. Мы создали парк атакующих дронов специально для этой цели. Мы выпускаем дроны вместе с частями для суперавианосцев, чтобы это не просочилось в новости. Массовая паника вызовет еще больше проблем.

– Каков план?

– Дроны атакуют астероиды через час. Мы собираемся разнести их на кусочки.

– Это то, над чем вы работали. Ночью и днем, – выдыхаю я.

– Да. Два года. – Он берет меня за руку. – Мне жаль, что я не сказал тебе, но я знал, что ты будешь беспокоиться.

– Все нормально. Я понимаю.

– Я хочу, чтобы на время битвы ты присоединилась к нам в управлении войсками.

– Конечно. Я отменю свои дневные уроки.

– Отлично. – Он подходит к двери, но останавливается. – Что ты хотела сказать мне?

– Ничего.

Он бросает на меня взгляд.

– Уверена?

– Абсолютно. Ничего.

Теперь я не могу ему сказать. После. Я скажу ему после.

Глава 4

Эмма

Центр управления полетами НАСА выглядит как одна из старых фондовых бирж: люди стоят у терминалов, что-то кричат, делают паузу, чтобы прислушаться к своим гарнитурам, и после шумят еще больше, иногда замолкая, чтобы посмотреть на экраны перед ними. Большой обзорный экран на дальней стене отображает видеопотоки трех астероидов и статистику из парка дронов.

В комнате жарко и сильно пахнет кофе. Все напряжены, время истекает. В толпе я замечаю Гарри, сидящего за компьютером и что-то яростно печатающего на клавиатуре. Григорий кричит по-русски на человека, работающего за компьютером рядом с ним. Лина там же, в наушниках, смотрит на свой ноутбук. Я вижу, как крутятся строки кода, когда она что-то ищет. Мин разговаривает с Лоуренсом Фаулером, оба что-то пьют из кофейных кружек. Но Шарлотту и Идзуми я не вижу.

Джеймс наклоняется ко мне и шепчет:

– Между нами и астероидами задержка составляет около тридцати пяти световых минут, поэтому мы приближаемся к концу нашего временного интервала, в который мы можем внести изменения в задания первого флота перед боем.

– Атака автоматизирована?

– Да.

– Дроны замаскированы?

– Да. Мы используем те же методы, которые мы использовали на корабле «Пакс» и флоте «Спарта». Дроны выглядят как плавающая космическая скала.

– Качество изображения просто потрясающее.

– В основном это работа Лины. Она настраивала алгоритм сжатия данных. Мы разместили дронов в виде гирляндной цепочки, чтобы передать нам изображения обратно.

Фаулер подходит к нам и приобнимает меня.

– Рад тебя видеть, Эмма.

– Я вас тоже. – Я киваю на суету вокруг нас. – При запуске флота «Спарта» было так же?

– Нет. Тогда было еще хуже.

Фаулер извиняется и отходит в сторону, чтобы посмотреть, что обсуждают Григорий и его коллеги, так что мы с Джеймсом усаживаемся около его компьютера.

– Как вы думаете, что произойдет? – спрашиваю я, понизив голос.

– Я ожидаю, что астероиды предпримут контрмеры.

– А если нет?

– Наши дроны поразят их. Астероиды будут разбиты на кусочки. Еще я боюсь того, что к астероидам прикреплены какие-то двигательные аппараты. Как только мы нападём на них, они могут ускориться и изменить курс, пытаясь обойти другие наши дроны.

– Я полагаю, вы это учли?

– Да. Мы будем атаковать волнами. У нас двенадцать флотов дронов – и все находятся на достаточном удалении друг от друга. Мы внесем коррективы после того, как первые четыре флота произведут атаку.

Я наблюдаю, как Джеймс сканирует данные, печатает сообщения и иногда отвечает на вопросы через свою гарнитуру. Минуты текут медленно. Наконец из громкоговорителей гремит объявление: «Первое прекращение связи с флотом через десять, девять, восемь...»

Когда отсчет достигает нуля, возникает ощущение, будто из комнаты воздух выходит. Люди откидываются назад на стулья и смотрят на экран, некоторые бросают ручки на стол,

другие прячут в руках лица. Это напоминает мне экзамен в колледже, где студенческий контроллер только что объявил окончание экзамена, и половина аудитории не доделала задания, а половина – спешно перебирает в голове свои ответы.

– Что теперь? – шепчу я Джеймсу.

– Теперь мы подождем и посмотрим, правильно ли мы поняли.

* * *

Я общаюсь с Линой, когда на главном экране появляется обратный отсчет:

30

29

28

Разговоры, звучащие отовсюду в комнате, стихают. Все встают. Некоторые люди снимают свои наушники.

Я медленно пробираюсь вперед, чтобы встать рядом с Джеймсом, когда из динамиков снова гремит голос: «Боеприпасы первого флота развертываются в три, два, один».

Белые вспышки заливают экраны всех трех видеотрансляций, стоит только дронам выпустить свои ракеты.

Я задерживаю дыхание, глядя на экран и ожидая, пока белый цвет исчезнет. Когда свет меркнет, я не вижу ничего, кроме черноты пространства, усеянного каменными объектами всех размеров. Должно быть, их там сотни.

Джеймс немедленно садится за компьютер и просматривает поступающие данные. Я могу прочитать некоторые из них и замечаю, что есть и хорошие новости – боевые заряды бьют по астероидам, и тяжело. Исследование показывает, что астероиды разбились на более чем тысячу объектов, широко варьирующихся по массе, самые крупные из которых все еще классифицируются как цели уровня исчезновения. Там, где раньше было три астероида, способные привести к вымиранию видов на планете, сейчас семь. Хотя технически это плохие новости, все же мы сделали шаг в правильном направлении.

Голос через громкоговоритель звучит снова. «Второй флот получает цели». Секунды, кажется, тикают как часы. Наконец голос объявляет: «Второй флот производит залп через три, два, один».

Снова белые вспышки покрывают экран и исчезают, оставляя поле еще более мелких каменистых объектов на черном фоне.

Когда появляются данные с дронов, я выдыхаю. Теперь существует почти две тысячи объектов, но только три из них могут привести к исчезновению человечества.

Крики возобновляются, пока третий флот не произведет залп. И цикл повторяется еще раз.

После пролета четвертого флота все в комнате начинают действовать, возобновляя ту самую лихорадочную активность, свидетелем которой я была, когда приехала. Скоро мне становится известна причина: у них очень короткое окно для выдачи новых команд оставшимся восьми флотам.

Джеймс и его команда оставили большой разрыв между четвертым и пятым флотами дронов. Пятый флот (и все флоты за ним) все еще находятся достаточно близко к Земле, чтобы мы могли передавать им обновленные команды, прежде чем они встретят астероиды. Идея состоит в том, чтобы корректировать нашу атаку с каждой новой волной дронов, максимизируя воздействие боеприпасов.

Команда, собравшаяся вокруг стола Мин, говорит быстро, но не перебивая друг друга. Споры вокруг компьютера Григория хаотичны.

Джеймс плюхается на стул и смотрит на экран. Он внезапно выглядит таким уставшим. Гарри подходит и улыбается мне.

– Привет, Эмма.

– Привет, Гарри. Как ты?

– О, знаешь, я люблю хорошую игру в астероиды.

Его ссылка на старую игру Atari⁴ вызывает у меня смех, а у Джеймса – усталую улыбку.

– Думаю, мы увидим больше действий, – говорит Гарри Джеймсу, который просто кивает, не сводя глаз с экрана. Я почти вижу, как в его голове крутятся шестеренки. Я замечала этот взгляд и раньше: на «Пакс» и здесь, в лагере № 7, в последующие месяцы. Он что-то прорабатывает в своем большом мозгу, и я думаю, ему не нравится, как все складывается.

Гарри на некоторое время поворачивается, чтобы посмотреть на группу вокруг Мин, а затем снова оглядывается на меня.

– У них есть... – Гарри наклоняется и заглядывает в экран Джеймса, – ...еще около семи минут, чтобы внести изменения в приказы второй волне флотов. Похоже, они собираются разделить их на две небольшие группы по два флота в каждой.

Он кивает в сторону группы Григория.

– И они пытаются выяснить, как максимизировать эффективность полезной нагрузки.

– А вы, ребята...

– Думаю, эта битва будет меньше похожа на игру в одни ворота, – отвечает Гарри. – Думаю, мы будем иметь дело с активной боевой ситуацией, отдавая новые команды каждому флоту, чтобы адаптировать нашу атаку.

Джеймс наклоняется вперед и набирает команду на клавиатуре. На экране появляется сообщение:

ПЕРВЫЙ ФЛОТ: ЗАПУСК ГЛУБОКОГО ПОИСКА ВИРУСА

Гарри заглядывает, видит команду и начинает задавать вопросы Джеймсу об этом. Я встаю и ухожу, оставляя их делать свою работу. Так вот, значит, что Джеймс думает, сейчас происходит: вирусная атака? Дроны заражены? Отправляют неверные данные обратно? Возможно. Это означало бы, что астероиды могут быть целыми, нетронутыми и все еще направляться к Земле.

Идзуми, должно быть, проскользнула в комнату во время битвы. Я замечаю ее возле задней стены, стоящей рядом с Оскаром, который широко улыбается мне. Он поработал над выражением лица. Оно становится более точным, но легкомысленность его выражения не совпадает с настроением в комнате. Тем не менее, я рада, что он пытается. Шарлотта тоже здесь, разговаривает с итальянским экспертом по криптографии, которого я обучала в своем классе восемь месяцев назад.

Когда я подхожу, Идзуми обнимает меня и шепчет мне на ухо:

– Он изо всех сил пытался сказать тебе.

– Я догадалась. Как группа?

– Бардак. Напряжение. Бессонница. – Взгляд Идзуми устремляется на экран. – Я надеюсь, что все почти закончено.

У нее, пожалуй, самая сложная работа из всех: поддерживать здоровье команды умственно и физически.

⁴ «Атари» – одна из старейших компаний по производству компьютерных игр.

Проходит крайний срок отправления команд для второй волны дронов, и напряжение в комнате спадает. Но снова усиливается примерно через тридцать минут, когда они вступают в контакт. К моменту окончания третьей волны астероиды были практически размельчены в пыль. По всей комнате раздаются радостные возгласы, и у всех поднимается настроение. Я слышу, как несколько человек извиняются перед коллегами, на которых они кричали во время битвы. Все стоят, с облегчением улыбаясь. За исключением Джеймса: он сидит за своим столом, не отрываясь от экрана.

Подойдя к нему, я читаю сообщение, вспыхивающее красными буквами:

ВИРУСОВ НЕ ОБНАРУЖЕНО

– Что не так?

– Ничего, – бормочет он, все еще глядя на экран.

Я сажусь в кресло рядом с ним и пытаюсь смотреть в глаза.

– Ты уверен?

– Я уверен. Все в порядке.

* * *

Тем же вечером все приезжают к нам домой на ужин. Гарри занимается барбекю в футболке с логотипом вымышленного ресторана под названием «Апокалипсис Гриль».

Григорий стоит рядом с ним, попивая коктейль, который, я уверен, состоит из десяти частей водки и одной части чего-то другого. Этим вечером он начал говорить по-английски. Сейчас, когда у него повышается уровень алкоголя в крови, русские слова постепенно время от времени возвращаются обратно. Лина стоит рядом с ним, потягивая пиво Beck's. Странно видеть брендовое пиво после того, как мировая экономика рухнула, но поиск предметов в теперь уже оттаявших городах стал большим бизнесом. Специальные спасательные компании ищут по всему миру бутылки с лекарствами, пивом и виски. Теперь именно они самые крупные продавцы, а не торговцы бриллиантами и золотом. Долгая Зима изменила нас так, как я никогда не представляла. И я никогда не думала, что Григорий и Лина встречаются. Самые незаметные всегда вас удивляют.

Мин и Идзуми тихо разговаривают, сидя за деревянным столом для пикника возле гриля. Их подающий надежды роман является самым большим секретом в лагере № 7, и он развивается очень медленно, словно шахматная игра, где каждому игроку требуются месяцы, чтобы обдумать свой следующий ход.

Джеймс и его брат Алекс смеются над чем-то, но я вижу усталые глаза моего мужа и понимаю, что его мысли где-то в другом месте. Я думала, что расскажу ему о беременности сегодня вечером, но чувствую, что еще не время. Я подожду до завтра.

Снаружи дома дети бегают по просторам пустыни, играя в футбол, а Оскар выступает в роли рефери. В разгар Долгой Зимы я задавалась вопросом, увижу ли я когда-нибудь снова детей, играющих в футбол. Но здесь, на фоне заходящего солнца, мир снова выглядит нормальным.

Но для нас он не нормальный – не для Джеймса и его команды. Они рассказали всем, кто не входит в их группу, что нынешнее празднование посвящено окончанию разработки нового дизайна дрона. Вот как выглядит бесконечная война: ложь людям вокруг вас и опасность, которую они никогда не видят.

Внутри дома младшие дети играют с роботизированной собакой, которую Джеймс сделал несколько лет назад. Моя сестра Мэдисон и жена Алекса, Эбби, шепчутся на кухне, когда я подхожу к ним.

– Вы, похоже, сплетничаете.

– Может быть, и так, – отвечает Мэдисон с застенчивой улыбкой на лице.

– Значит, точно сплетничаете.

– Ты права, – признается Эбби. – Ходят слухи, что Идзуми и Мин встречаются.

– Ее дом только что занесен в АтлантикНет как доступный в течение сорока пяти дней, – говорит Мэдисон.

– Ну, может, она уехала, – отвечаю я, в основном чтобы поддержать разговор.

– Вряд ли, – говорит Мэдисон. – Группа с корабля «Пакс» неразделима.

Она делает глоток вина.

– Но мы думаем об этом.

Молния страха вспыхивает внутри меня.

– Ты и Дэвид?

– Он хочет переехать в Атланту. Он слышал, что они собираются начать лотерею для сельхозугодий – как в старые времена, когда был заселен Запад. Он хочет быть там, говорит, что вся экономика снова начинается с нуля, и нам нужно срочно войти, иначе мы упустим шанс. Как будто снова наступила колониальная эпоха.

– Алекс тоже так думает. Хочет переехать в Лондон, говорит, что школы там будут лучше. – Эбби допивает последний глоток вина. – Но я продолжаю думать, что там уже холодно, что если Долгая Зима вернется? Мы снова будем эвакуироваться.

– Это плохая идея, – рассеянно говорю я.

– Да, – отвечает Эбби. – Я думаю, что мы окажемся в Атланте. Лондон для него – это так, полет фантазии.

– Нет, я имею в виду, что плохая идея вообще покидать лагерь № 7.

Они обе смотрят на меня, ожидая объяснений. Но я не могу сказать им то, что знаю. Поэтому я говорю им то, что они уже знают:

– Послушай, лагерь № 7 остается самым безопасным местом для жизни. НАСА здесь. У нас есть бункер, закаленные теплицы, водоснабжение. Сейчас лучше подождать.

– А о чем вы молчите? – спрашивает Мэдисон. Когда я не отвечаю, она начинает настаивать: – Сеть возвращается?

Я кусаю губу.

– Я просто думаю, что вы должны подождать, хорошо? Ты можешь мне доверять?

Мэдисон смотрит на меня, как бы молча подсказывая, но я не произношу ни слова.

Эбби ставит свой стакан на стойку.

– Я собираюсь проверить детей. Там слишком тихо.

Мэдисон наливает себе еще один бокал вина и поднимает бутылку.

– Вина?

– Нет, спасибо.

Она сужает глаза, вглядываясь в меня, как будто может раскрыть секрет, который я скрываю. Выражение ее лица меняется, как будто сверло, которым она буравила мою личность, провалилось в пустоту. Почти жутко, как легко она это делает.

Я веду ее в спальню и закрываю дверь, надеясь, что никто не услышит секрет, которым я собираюсь поделиться. Это снова и снова напоминает среднюю школу.

– Я беременна.

Она обнимает меня, пролив немного вина на мою спину.

– Джеймс взволнован?

Я запинаясь на мгновение.

– Будет.

– Ты ему не сказала?

Я склоняю голову.

- Не совсем.
- Почему бы не... рассказать ему?
- Я жду подходящего момента.

Она смотрит на меня, дрель снова пытается найти ответ, но, кажется, что на этот раз ничего не получится.

- В последнее время он много думал, – объясняю я.
- О причинах, по которым мы не должны покидать лагерь № 7.
- О том, что ты права.
- Ладно. Ну, я поговорю с Дэвидом о том, чтобы остаться, – улыбается она мне. – Я так рада за вас.

* * *

Когда все уходят, мы укладываем Элли в ее кроватку. Иногда, когда вечеринка уже закончена, она может устроить истерику. Но сегодня вечером она так устала, что крепко заснула в течение нескольких минут.

Мы с Джеймсом сидим в гостиной и смотрим новости по телевизору. Когда начинается рассказ о Ричарде Чендлере, Джеймс закатывает глаза и идет в спальню. Чендлер, по-видимому, совершает поездку по Атлантическому Союзу, собирая людей для возвращения на родину и настаивая на том, что три оставшихся правительства являются диктатурами. Он явно любит светиться на телевидении.

Джеймс прячется под одеялом с закрытыми глазами, когда я ложусь спать.

У меня все еще складывается впечатление, что его что-то беспокоит. Я хотела бы знать, что это; хотела бы помочь.

Он открывает глаза, когда я забираюсь в скрипящую кровать.

- Привет.
- Привет.
- Спасибо, что все закончили. Я знаю, что сроки были очень короткими.
- Спасибо, что взорвали эти огромные астероиды.
- Это вызывает у него резкий смех.
- Нет астероида, который я бы не взорвал для тебя.
- А ты бы сделал еще одну вещь для меня?
- Что угодно.
- Скажи мне, что тебя беспокоит.
- Ничего.
- А если бы это было что-то, что бы это было?

Джеймс надолго закрывает глаза. После этого его голос начинает звучать ровно:

– Только факт, что это было слишком легко. – Он смотрит в потолок. – Сеть умнее этого. Бросать в нас астероиды – это... слишком просто для них.

– Что ты собираешься делать?

– Я собираюсь немного поспать впервые за два года, и, когда проснусь утром, пойму то, что не могу понять сейчас.

Он снова закрывает глаза, и я быстро подхожу и выключаю свет.

Я скажу ему завтра.

* * *

Я просыпаюсь от звука открывающейся двери спальни. Слышатся шаги, и я вижу, как к кровати приближается чей-то силуэт. Он протягивает руку, резко хватая Джеймса и трясет его.

На краткий миг страх парализует меня.

Все еще темно. Свет в гостиной мягко освещает спальню; он слишком тусклый, чтобы разглядеть личность злоумышленника. Фигура трясет Джеймса сильнее, а затем поднимает его, демонстрируя свою невероятную силу. Джеймс, наконец, вздрагивает, хватая его за руки и начинает бороться, словно рыба на крючке.

Волна тошноты накатывает на меня. Я стараюсь сделать все, чтобы меня не вырвало. В спальне раздается голос, чистый и спокойный:

– Сэр, пожалуйста. Вы должны идти.

Оскар.

Голос Джеймса звучит хрипло и мягко:

– В чем дело?

– Астероиды. Они скоро упадут на Землю.

Глава 5

Джеймс

Мой слабый ум с трудом может понять, что говорит мне Оскар.

Астероиды.

Невозможно. Мы их уничтожили. И они были на расстоянии нескольких месяцев от Земли.

Кажется, он понимает мое замешательство.

– Сэр, есть другая группа астероидов. Меньше, но в большем количестве. Они как-то спрятались от наших датчиков.

Я уже проснулся. Туман в моей голове рассеивается, как облако, которое уносит сильный ветер.

– Сколько их?

– Семь сотен...

– Где они сейчас?

– Внешнее кольцо дронов «Центуриона» просто заметило их. Ведущий объект находится на расстоянии чуть более четырехсот тысяч миль от Земли...

Я хватаю Оскара за плечи.

– Делай, как я говорю, и больше ничего не делай, ты понимаешь меня, Оскар?

– Да, сэр.

– Отведи Элли в бункер. Спустись к Цитадели и подожди меня там. Защищай ее любой ценой. Иди. Не останавливайся ни перед кем или чем-либо.

Не говоря ни слова, Оскар поворачивается и выбегает из спальни. Через долю секунды я слышу, как распаивается дверь детской, ручка бьется о твердую пластиковую стену. В ночи раздается плач Элли.

Эмма вылезает из кровати и спешит в ванную, где, подняв крышку унитаза, опорожняет содержимое своего желудка. По правде говоря, я хочу сделать то же самое. Все происходящее может стать концом человеческого рода. Мы должны добраться до бункера, а на счету каждая секунда.

Я открываю ящик комода и бросаю в нее рубашку с длинным рукавом и спортивные штаны.

– Бункер. Прямо сейчас, Эмма. Пожалуйста. Нам нужно идти.

Она закрывает глаза, сглатывая, как будто борясь за контроль над животом.

– Эмма!

Она задыхается, когда рвота возвращается. Когда она останавливается, она наклоняет голову, пытаясь отдышаться.

Я врываюсь в ванную, беру одежду, одной рукой подхватываю ее ноги, другой обнимаю за спину, поднимаю ее и выхожу из ванной.

– Что ты делаешь...

– Спасая твою жизнь.

Ее глаза все еще закрыты, дрожа, она наклоняется вперед. Рвота брызгает на мою рубашку, но я и глазом не ведаю. Просто иду к выходу из дома.

Теплый ночной воздух словно пробуждает Эмму. Она обнимает меня и сглатывает, делая глубокий вдох.

Я чувствовал себя так однажды раньше: когда вытащил ее из обломков МКС. Тогда она была слабой и больной, с запущенной декомпрессионной болезнью. Но сейчас речь идет не только о нашей жизни.

– Элли... – задыхается она.

– На пути к бункеру.

Я открываю дверь автомобиля и кладу Эмму и одежду на заднее сиденье. На сиденье водителя я нажимаю кнопку, чтобы активировать автомобиль, и кричу:

– Аварийное отключение. Включить ручное управление.

Машина издает звуковой сигнал, и я снова выкрикиваю:

– Отключите ограничения безопасности, код авторизации Синклера семь – четыре – альфа – девять.

* * *

Следующий гудок автомобиля заглушается вращающимися в песке шинами, когда машина срывается с места и уносится от дома. Сила бросает Эмму на заднее сиденье. Она снова закрывает глаза и наклоняется вперед, опустив голову между колен.

– Джеймс, – слова резко вырываются у нее изо рта.

Я приказываю своему телефону позвонить Фаулеру, и он отвечает при первом же звонке.

– Джеймс...

– Могут ли орбитальные беспилотники защитить нас?

– Они получают цели, но сотни астероидов все еще собираются прорваться.

У меня пересыхает во рту. Сотни астероидов собираются нанести удар по Земле. Большие астероиды были просто диверсией. «Сборщик» как-то спрятал меньшие астероиды от наших датчиков. Мы были так сосредоточены на большей угрозе, что просто... пропустили ее.

Я пропустил его. И я это знал. Я должен был...

– Джеймс, ты должен добраться до бункера.

– Мы в пути.

– Позвони своей команде. И Джеймс?

– Да?

– Это не твоя вина. Сосредоточься на безопасности. Мы во всем разберемся после.

Фаулер отключается, и я понимаю, что Эмма что-то говорит, все еще зажав голову между колен.

– Мэдисон...

– Что?

– Позвони Мэдисон. Пожалуйста.

– Ладно.

Я приказываю своему телефону позвонить ей, когда я еду, как сумасшедший, под сотню миль в час по многочисленным песчаным улочкам лагеря, позади которых взвиваются столбы коричневой пыли. Фары автомобиля и луна освещают наш путь.

– Мэдисон, – кричу я, когда она отвечает. – Доберитесь до бункера. Прямо сейчас. Ничего не бери...

– Что...

– Я серьезно. Доберитесь до бункера. Скоро произойдет астероидный удар. Вы мертвы, если не доберетесь до бункера. Возьми Дэвида и детей и бегите. Беги сейчас, Мэдисон.

Я вешаю трубку и приказываю телефону позвонить Алексу. Звуковой сигнал проходит раз, два, затем в третий раз и отправляется на голосовую почту.

На заднем плане я вижу, как Эмма садится. Она белая, как простыня, и дрожит.

– Отравилась?

Она закрывает глаза и сглатывает.

– Это была не еда.

– Вирус?

– Я в порядке.

Она начинает натягивать толстовку. На улице тепло, но в бункере, вероятно, будет холодно.

Я даю команду телефону набрать номер Эбби. Может быть, Алекс выключил свой.

Когда телефон подает звуковой сигнал, автомобиль проезжает последние здания на периферии лагеря № 7 и устремляется в бескрайние просторы открытой пустыни. Бункер в трех милях. Я нажимаю на акселератор до максимума. Шум ветра усиливается, вдавливаясь в машину, как ураган.

Я ругаюсь и с размаху ударяю рукой по рулю, слыша, что на номере Эбби тоже включается голосовая почта.

– Эбби, если получишь сообщение, выйди из лагеря и направляйся в бункер. Сейчас же. Астероиды скоро упадут. Бункер – твой единственный шанс на выживание. Торопись.

В зеркале заднего вида мои глаза встречаются с глазами Эммы. Сейчас она выглядит более сдержанной.

– Спасибо, что позвонил Мэдисон.

– Конечно.

– Не можешь дозвониться до Алекса?

– Ни до него, ни до Эбби. Возможно, они выключили свои телефоны.

На краткий миг мне приходит в голову мысль вернуться к их дому и стучать в двери и окна. Оскар сказал, что астероиды были в четырехстах тысячах миль от Земли? Но как быстро они движутся? И где они упадут? Я всегда предполагал, что «сборщик», которого мы победили на Церере, смог отправить данные обратно в Сеть. Эти данные включали бы расположение лагеря № 7 и бункера. Я предполагаю, что один или несколько астероидов поразят лагерь напрямую и что лагерь № 7 будет одной из первых пораженных целей.

* * *

Сколько у меня времени?

Как бы я ни хотел, я не могу вернуться. Теперь я отец. Я должен быть там ради Элли. Даже если мы переживем падение астероида, у нас останутся небольшие шансы выжить после.

Я звоню остальным членам моей команды. Около половины из них отвечает. Остальным я оставляю сообщения на автоответчик. Секунду спустя мой телефон издает сигнал тревоги. Они активировали систему экстренного оповещения, инструктируя всех о том, как попасть в бункер.

Впереди над горизонтом виднеются огни комплекса. Когда мы подъезжаем к гигантскому складу, я с силой нажимаю на тормоза. Автокар заносит, и Эмма прижимается к спинкам передних сидений.

– Идем, – кричу я, выскакивая из машины, обнимаю Эмму и помогаю бежать. Наши шаги эхом разносятся по бетонному полу склада. Ее костная масса так и не восстановилась после времени, проведенного в космосе, и Эмма прихрамывает. Я ненавижу это делать, но должен ее подталкивать. Каждая секунда имеет значение.

Свободной рукой я держу телефон и отдаю голосовую команду набрать номер Алекса.

– Давай, давай, – бормочу я. – Давай...

Голосовая почта.

Снова.

Конечно, они услышали тревогу. Они живут вниз по улице в двух домах от нас. Я должен был идти и стучать им в дверь. Но тогда я не знал, что он не ответит на звонок.

У входа в бункер группа солдат Атлантического Союза, в полном боевом снаряжении, с винтовками наготове. Двое выходят из группы и направляются к нам. Высокий солдат с погонами полковника кивает мне.

– Доктор Синклер?

– Да.

Он указывает на сержанта рядом с ним.

– Он отвезет вас в Цитадель.

Я смотрю на его лычку с именем.

– Спасибо, полковник Эрлс. Вы ответственный?

– Да, сэр. Командование решило остаться в ЦЕНТКОМе, чтобы руководить операциями по эвакуации и обороне.

Эрлс кричит солдату, стоящему у двери с табличкой:

– Проверь их в списке, Додсон.

Список. В этот момент я понимаю, что эвакуация – это не просто спасти как можно больше жизней. Вопрос в том, *кто* выживет. Так вот что делают войска у входа – они привратники. И на то есть веская причина: Цитадель не сможет вместить все население лагеря № 7. Это абсолютно точно. Реальный вопрос в том, как долго мы можем оставаться там. Бункер рассчитан лишь на определенное количество еды, и эта пища может поддерживать не такое уж большое количество людей в течение долгого времени. Это переменные в данном уравнении.

Кто-то в командовании Атлантического Союза должен был учитывать эти переменные, когда они составляли список. Перед ними стояла невозможная задача определить, кто жизненно важен для выживания нашего вида. Если вы спросите меня, что самое ценное, что у нас отняла Сеть, я бы не сказал, что это миллиарды потерянных жизней, миллиарды акров земли или наши дома. Я бы сказал, что это маленькие кусочки человечества, которые она оторвала на своем пути. Как, например, в этот момент, когда мы должны выбирать, какие невинные люди должны умереть, чтобы остальные смогли выжить.

В этот момент у меня есть эгоистичная мысль, за которую мне стыдно, но я знаю, что должен действовать.

Я кладу руку на спину Эммы и подталкиваю ее к двери в лифт.

– Иди вперед. Я следом.

– Что ты собираешься делать?

– Попробую еще дозвониться до Алекса.

Эмма кусает губу.

– Список...

Она думает так же, как и я. Я поворачиваюсь к солдату, Додсону, на которого кричал полковник. Я не вижу его звания, поэтому вынужден обратиться проще:

– Мистер Додсон?

Он поднимает взгляд, явно пораженный.

– В списке есть Мэдисон Томпсон и ее семья?

Он что-то проверяет в планшете.

– Да, сэр. Вся семья ответственного персонала находится в списке, сэр, – добавляет сержант.

Я чувствую смесь облегчения и вины. Я могу сказать, что Эмма чувствует то же самое.

Я киваю в сторону входа в бункер.

– Торопись. Я сейчас тоже спущусь вниз.

– Ты обещаешь?

– Обещаю. Элли ждет нас. Она, наверное, напугана.

Когда Эмма уходит, я снова набираю Алекса.

Стоит мне услышать, как у него на номере снова включается голосовая почта, у меня возникает только одна мысль: бежать к электромобилю и возвращаться в город. Однажды я уже потерял своего брата из-за своей ошибки. Я не могу потерять его снова.

Глава 6

Эмма

Двери лифта открываются в пустую комнату с металлическими стенами, которые освещаются белыми светодиодными лампами под потолком. Пол – сетка из белых пластиковых мягко светящихся плиток, словно танцпол, который может загореться, стоит мне только ступить на него.

В конце комнаты видны двойные двери, на которых большими печатными буквами написано ЦИТАДЕЛЬ.

Вокруг двери стоят дюжина солдат, винтовки направлены на лифт – на меня.

– Эмма Синклер, – выкрикивает сержант, и его голос отдается эхом в металлической комнате.

Солдаты даже не вздрагивают.

– Шаг вперед, мэм, – кричит один из них.

Другой вводит код в панель рядом с двойными дверями, которые открываются с тихим щелчком.

За дверями находится фойе, где солдат еще больше.

Они переводят взгляд на меня, прежде чем вернуться к своему разговору.

Как только двери закрываются за мной, я чувствую, как меня обволакивает теплый воздух, и теперь я пытаюсь сориентироваться. Из фойе ведут три коридора. Один в общие ванные комнаты, другой в спальные помещения, последний – в столовую.

В столовой есть общая зона, и, кажется, все собрались там. Люди сидят на диванах и мягких креслах с невысокими спинками, глядя на настенные экраны. На одном из маленьких экранов я вижу знакомый мультфильм, «Девушка с границы». Там речь идет о молодой девушке, которая в 1800-х годах переезжает из города на американский Запад со своим овдовевшим отцом. Я знаю это, потому что это любимое шоу Элли. Хотя она еще не до конца все понимает, и я думаю, что она просто следит за лошадьми.

Я оглядываю дверную раму и вижу Оскара, сидящего в клубном кресле лицом к экрану, с Элли на коленях. Она ведет себя тихо и спокойно, полностью сосредоточившись на шоу. Мое сердце разрывается. Даже когда я боролась с тошнотой и поездкой на мчащейся машине, чтобы добраться сюда, мои мысли продолжали возвращаться к Элли, и я задавалась вопросом, в безопасности ли она.

Когда я подхожу, она поворачивается и, увидев меня, спрыгивает с колен Оскара и бросается ко мне. Обнимать и брать ее на руки – лучшее чувство в мире.

– Па?

Она еще не совсем освоила слово «папа», но мне ясно, что она чувствует, что что-то не так.

– Он уже в пути, милая.

– Домой...

– Мы пойдем домой. Скоро.

Я возвращаю ее на кресло, с которого Оскар встает, чтобы позволить мне сесть.

– Сколько осталось, Оскар?

– Мэм?

– До удара.

Текущая оценка составляет тридцать одну минуту двадцать три секунды.

У меня в горле образуется комок. Элли, кажется, считывает мою реакцию. Она берет меня за руку, обхватив своими маленькими пальцами два моих.

- Мама...
- Просто смотри свое шоу, Элли, пожалуйста. Оскар, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.
- Что угодно.
- Поднимись на поверхность, найди Джеймса и скажи ему, что его дочь и его жена здесь, и они нуждаются в нем, как и все остальные.

Глава 7

Джеймс

Сначала жители лагеря № 7 прибывают волнами. Одна или две машины за раз, с такими людьми, как я, которые каким-то образом довольно рано получили предупреждение о надвигающейся угрозе. Мы с Эммой, вероятно, были одними из первых – благодаря Оскару. Он беспроводным образом подключен к оборонной сети АтлантикНета. Стоило лишь заметить астероиды, как он уже об этом знал. Я благодарен ему за это.

Из новоприбывших я кое-кого знаю: сотрудников НАСА, которые получили сигнал тревоги со спутников орбитальной обороны, и гражданских лиц, которые работали в ночную смену в ЦЕНТКОМе.

Следом прибывают транспортные самолеты, высаживая солдат Атлантического Альянса вблизи склада. Они в полном боевом снаряжении – шлемы с проблесковыми маячками, бронжилет и заряженные винтовки.

За старшего по-прежнему полковник Эрлс, и я надеюсь, что у него есть ответ, который мне нужен.

– Полковник, вы знаете время для удара?

Он резко кивает двум помощникам, стоящим рядом с ним, и они тут же уходят, отдавая приказы толпам недавно прибывших войск.

Понизив голос, Эрлс говорит:

– Около тридцати минут.

У меня есть время. Достаточно, чтобы добраться до Алекса.

– Спасибо, полковник, – благодарю его я, бросаясь к машине.

Стоит мне сесть в нее, как дверца распахивается, и чья-то рука хватается меня за плечо.

Я поднимаю голову и вижу Оскара.

– Сэр.

– Не сейчас...

– Сэр, Эмма приказала мне передать вам сообщение: что дочь и жена находятся в Цитадели и нуждаются в вас, как и все остальные.

Я смотрю на него, мои руки все еще на руле. Наконец, я снова опускаюсь на сиденье и качаю головой. Она права; но это невозможное решение. Быть отцом и мужем или спаси своего брата. Есть только один выбор.

Я оставляю машину заведенной, но выхожу.

– Оскар, мне нужно, чтобы ты съездил за Алексом, Эбби и их детьми. Торопись. У нас есть только...

– Двадцать девять минут, сэр.

– Спасибо. Езжай. Сейчас же.

Электромобиль выбрасывает след пыли и растворяется в ночи.

Когда он исчезает из виду, я достаю телефон и снова пробую дозвониться до Алекса и Эбби. Голосовая почта.

Я тащусь обратно на склад.

– Назовитесь! – окликает меня женщина-солдат. Ее тон смягчается, когда я поднимаю глаза. – Ой. Простите, сэр. Пожалуйста, проходите.

В последующие несколько минут одна за другой приезжают несколько машин, а затем поступающие превращаются в нескончаемый поток – транспортные средства, оставляющие за собой пыльные облака, и родители, несущие плачущих, не желающих успокаиваться детей на склад.

Военные разделяют толпу на шесть групп, размещая их по всему складу. Им говорят, что бункер готовится, но любой, кто будет нарушать порядок, потеряет свое место. Это ложь. На складе и так уже больше людей, чем бункер может вместить.

С каждой минутой в этом огромном пространстве становится жарче, тепло тел и страха сливаются и давят на всех нас. Скольких мы оставим здесь умирать? И какова альтернатива? Сказать им правду? Тогда начнется хаос, и в этом хаосе, возможно, никому из нас не будет дела до безопасности Цитадели.

Приезжает Фаулер с семьей, все они выглядят изможденными и обеспокоенными. Он останавливается, чтобы поговорить со мной, поскольку его жена и дети уже спешат к лифту.

– Что ты здесь делаешь?

– Жду Алекса.

Он смотрит на свои часы.

– Не жди слишком долго. Осталась двадцать одна минута.

– Да. Я слышал. Есть идеи, где они упадут?

Выражение лица Фаулера подтверждает мой худший страх: по лагерю № 7 нанесут прямой удар.

– Где еще? – спрашиваю я.

– Каспий-град. ЦЕНТКОМ Тихоокеанского Альянса. А также Новый Берлин, Лондон и Атланта.

Я не знаю, есть ли в поселениях бункеры, но сомневаюсь в их наличии. Их внимание было сосредоточено на восстановлении жизни над землей. Бойня будет невообразимая.

– Не жди слишком долго, – бросает Фаулер через плечо и идет к лифту.

Вскоре после этого прибывают члены моей команды: сначала Григорий, затем Мин и Идзуми, Шарлотта и, наконец, Гарри – в мрачном и смиренном настроении. Даже в самые темные периоды на «Пакс» он оставался оптимистом. Сейчас он выглядит побежденным, кладет руку мне на плечо и идет к лифту.

Я, не переставая, звоню Алексу. Но он не отвечает.

Осталось двенадцать минут.

Спустившись в Цитадель, Григорий возвращается на поверхность и встает рядом со мной, глядя на группы ожидающих людей. Некоторые дети лежат, пытаясь уснуть. Большинство взрослых собрались вместе, шепча, бросая взгляды на солдат и дверь в комнату лифта.

– Кого ты ждешь? – спрашивает Григорий.

– Алекса. А ты?

– Лину. Она поехала в офис, когда мы обо всем узнали.

– Что?

Он качает головой.

– У нее новая программа для дрона «Центуриона». Думала, это поможет.

– Она успеет.

Мы оба смотрим на прибывающие машины, каждый раз надеясь, когда открывается дверь, что мы увидим своих близких.

Приезжают Мэдисон и Дэвид с детьми. Охранники опознают их и провожают к лифту. Они выглядят хмуро и растерянно среди людей, сидящих группами вокруг склада и ожидающих своей очереди.

Мэдисон обнимает меня.

– Спасибо за звонок.

– Конечно.

– Эмма?

– Она внизу с Элли.

Когда они уходят, я смотрю на свой телефон.

Семь минут.

Кто-то из соседней группы кричит:

– Внизу недостаточно места! Они собираются оставить нас здесь.

К нему присоединяются еще больше голосов, задавая вопросы и крича. Слова тонут в какофонии. И взрослые, и дети на ногах. Они устремляются вперед, лидеры указывают на солдат, которые уже направили на них свои винтовки.

Стена людей стоит к нам очень близко, и вдруг... ломается. Люди бросаются к лифту. Прямо к Григорию и ко мне.

Глава 8

Эмма

Мое сердце подпрыгивает каждый раз, когда дверь открывается. Быстро становится понятно, кто был в списке: сотрудники НАСА и военные. Люди, которые нам нужны, чтобы бороться с Сетью, и их семьи – что хорошего в боях, если им не за что бороться?

Здесь, в Цитадели, солдаты заняты тем, что вынимают все из шкафов и переносят на склад. Все стекла или снимаются или заклеиваются для предотвращения разбивания. Они думают, что мы попадем под прямой удар. Сможет ли бункер его пережить?

Каждый раз, когда дверь открывается, я ожидаю увидеть Джеймса, или Мэдисон, или Алекса и Эбби. Но я вижу только незнакомцев или людей, которых я смутно узнаю по работе в НАСА.

Жена Фаулера Марианна – первый знакомый мне человек. Она отправляет своих детей за один из столиков в столовой и подходит, чтобы обнять меня.

– Где Лоуренс?

– Наверху, разговаривает с Джеймсом.

– Джеймс все еще здесь? На складе?

Она выглядит растерянной, как будто думая, где же еще он должен быть.

– Да, он стоит возле лифта.

Я не могу удержаться от усмешки. Оскар сделал свою работу.

Следом приезжает команда Джеймса – все, кроме Лины. Григорий шагает рядом, окликая кого-то. Я точно знаю, что он чувствует. Он вскоре уходит, и на какое-то мгновение я думаю о том же. Но я не могу оставить Элли – она не может потерять обоих своих родителей.

Так что я жду. И когда двери открываются, чтобы впустить Мэдисон, я бегу к ней и обнимаю со всей силой, поступая так же со своим племянником Оуэном и племянницей Аделиной. Они – все, что у меня осталось. Муж Мэдисон, Дэвид, заходит последним, присоединяясь к объятиям.

Теперь, когда Мэдисон здесь, мне пора. Я могу убедить Джеймса спуститься сюда. Если что-то пойдет не так, Мэдисон может позаботиться об Элли.

Когда я уже иду по направлению к дверям, пол начинает трястись. Дрожат стулья, разбиваются стекла. Свет меркнет. Такое чувство, что это землетрясение, но я точно знаю, что это на самом деле: астероид столкнулся с Землей.

Глава 9

Джеймс

Как только раздались первые выстрелы, толпа замерла. Повисла тишина. Все внимание сосредоточено на солдатах Атлантического Союза, вставших полукруглым строем перед внешними дверями кабины лифта.

По всему складу разносится голос полковника Эрлса:

– Всем гражданским лицам вернуться на свои места, сейчас же.

Медленно толпа отступает, словно волна, откатывающаяся от берега, чтобы наверняка вернуться.

– Тебе следует уйти отсюда, Григорий, – наклонившись, шепчу я ему.

– Как и тебе, – бормочет он.

Я просто качаю головой, наблюдая за прибытием новой группы машин, которые рядами становятся за уже приехавшими. Щурясь, я пытаюсь разглядеть пассажиров, появляющихся в ночной темноте.

Мне кажется, но я не уверен... Да! Оскар идет первым; за ним Алекс. Следом его жена Эбби и их дети, Джек и Сара. Они должны успеть. Я проверяю обратный отсчет на моем телефоне.

Осталось пять минут.

С трудом, но у них должно получиться.

Голос полковника снова звучит в ночи:

– Все в порядке, теперь мы поочередно сопроводим вас всех к лифту. Если вы не подчиняетесь моим людям или покидаете свою группу, вы теряете свое место. Навсегда.

Проходят секунды, все на складе смотрят на солдат, надеясь, что они остановятся именно возле их группы и вызовут их. У меня в животе все переворачивается, когда я наблюдаю за этим. Вот какой способ пытки выбрала Сеть для нас: сперва сократить наш обитаемый мир, а затем заставить нас самих выбирать, кто будет жить.

Земля под моими ногами дрожит. Это значит, что первый метеорит ударил в Землю. Я думаю, он упал где-то в Европе. Возможно, в Новом Берлине. Сколько у нас есть времени, прежде чем упадет тот, который был нацелен именно на нас? Секунды, наверное. Гул усиливается, возможно, столкновения с астероидами продолжаются, сопровождаясь звуком, похожим на раскат грома среди ночи.

Бетонный пол трескается. Стальные стропила стонут. Песок и пыль падают сверху, словно дождь. И когда грохот под нашими ногами стихает, толпа снова прорывается.

Люди бросаются вперед, держа детей на руках, опустив головы, врезаясь в строй в солдат. В ответ раздается несколько выстрелов.

Сейчас самое время. Мы должны добраться до лифта.

Я больше не вижу Оскара, он затерялся где-то в толпе.

При попытке закричать я понимаю, что мой голос глохнет во всеобщем хаосе.

Мой разум кричит мне повернуться и побежать к лифту, но я никогда не прислушиваюсь к себе. Почти неосознанно я понимаю, что бегу вперед, к толпе, прорываясь через ряд солдат, которые не готовы к нападению сзади. Я пронзаю их строй и оказываюсь среди потных тел кричащих и плачущих людей, яростно потрясающих в воздухе кулаками.

В этот момент я понимаю, что Григорий рядом со мной и помогает мне пройти сквозь толпу. Люди с радостью позволяют нам пройти, пока мы не направляемся к лифту. Мы делаем один шаг за другим, пока я, наконец, не замечаю Оскара. Он практически плывет сквозь массы. Джек и Сара держатся у него на спине, обхватив руками шею, как тряпичные куклы.

Когда он оказывается футах в пяти от меня, я разворачиваюсь и начинаю пробираться обратно к лифту, пытаюсь освободить для него проход. Я получаю локтем в щеку, и на правом глазу выступают слезы; боль пульсирует, когда я чувствую, как кровь устремляется к свежему синяку. Я продолжаю идти, шаг за шагом, чувствуя, как наступаю на чьи-то руки, ноги, рюкзаки и какие-то вещи, оставленные на полу.

Кулак бьет меня в живот, и я слышу мужской крик:

– Назад!

Согнувшись, я чувствую, как руки Григория подхватывают меня и тянут вперед.

Оскар прокладывает нам путь, пока взгляд, наконец, не упирается в дула винтовок и строй солдат.

– Мы из НАСА! – кричит Григорий, поднимая меня выше, чтобы солдаты могли меня увидеть.

При виде моего разбитого лица военные морщатся и машут нам, пропуская вперед. Как только в их строю образуется разрыв, люди пытаются пробиться и удержать нас.

Начинается драка, в которой Григорий, Алекс, Эбби и я отчаянно пытаемся защитить Джека и Сару, одновременно с этим проходя через линию солдат. Вокруг нас какое-то размытое пятно из кулаков, ударов и цепляющихся за одежду рук, пытающихся втянуть нас назад. Оскар сражается за нас, его сверхъестественная сила наконец отпугивает нападающих.

Когда мы пересекаем черту, солдаты закрывают брешь. Я смотрю вперед, на открытые двери лифта. Но кабина переполнена – люди толпятся на каждом квадратном дюйме, уставившись на меня в испуге. Человек в углу нажимает кнопки на пульте управления, молча заставляя двери закрыться.

Мы всего в паре-тройке секунд от входа. Не всем хватит места, но, держу пари, мы могли бы вместить детей. Я беру руки Джека и Сары и тяну их к лифту, но двери закрываются, стоит мне до него дойти.

Я отпускаю их, и моя племянница и племянник бегут к своим родителям.

Стоя в одиночестве, тяжело дыша, избитый и весь в синяках, я достаю телефон и проверяю время.

Осталась одна минута.

Я оборачиваюсь и смотрю на склад, на самую печальную сцену, которую когда-либо видел в жизни. Я чувствую, как подступают слезы, и это не только из-за парня, который ударил меня в лицо.

Алекс тянет меня в объятия.

– Спасибо, брат.

Мой голос дрожит от эмоций, когда я отвечаю:

– Ты сделал бы то же самое для меня.

– Наши телефоны были выключены. Мы бы никогда не попали сюда без тебя и Оскара.

Он смотрит вниз на трещину в полу и думает о том же, о чем и я: будет ли еще лифт работать? Слишком поздно использовать аварийный туннель. Он, вероятно, уже обрушился. Мы уже опоздали?

Один за другим солдаты сопровождают людей из толпы, которые должны присоединиться к нам. В основном это дети. Шестилетняя девочка с рыжими волосами и веснушками плачет и зовет своих родителей, которые стоят за линией. Они говорят ей остаться там и повторяют, что скоро придут. Они понимают, что видят свою дочь в последний раз. Но она этого не знает и продолжает звать их.

Женщина примерно того же возраста, что и Эмма, присоединяется к группе, наклоняется, чтобы поговорить с девочкой, и пытается ее успокоить. Она работает в НАСА, но я не могу вспомнить ее имя.

Лифт уже должен был вернуться. Но сейчас я никак не могу на это повлиять.

Я лишь крепко обнимаю Алекса.

Глава 10

Эмма

Элли бежит ко мне, обнимает мои ноги и прячет в них лицо. Ее голос приглушают звуки дрожащего бункера.

Я наклоняюсь и обнимаю ее.

– Все в порядке, милая. Ты в безопасности. Все будет хорошо.

Я продолжаю говорить эти слова, надеясь, что они станут правдой.

Когда грохот прекращается, Элли спрашивает именно то, о чем я думаю:

– Па?

– Папа придет.

Я произношу эти слова быстро и гораздо увереннее, чем чувствую себя на самом деле.

Держа дочь на руках, я выхожу в прихожую и наблюдаю за внешними дверями, надеясь, что они откроются, и на пороге появится Джеймс.

Секунды тянутся словно часы. Элли кажется тяжелой в моих усталых руках, но я не могу позволить ей уйти прямо сейчас. Я переступаю на свою здоровую ногу, так, чтобы перенести оба наших веса на нее.

Внешние двери открываются, и мое сердце практически разрывается. Оттуда выбегает дюжина людей. В основном дети, но я замечаю несколько военных в униформе и сотрудников НАСА.

Но Джеймса там нет. Как и Алекса. И Эбби. И Григория.

Среди вошедших полковник армии Атлантического Союза, на лычке которого значится фамилия «Эрлс». Он мгновенно берет на себя управление ситуацией.

– Внимание. Прогнозы показывают, что удар астероидов в наших окрестностях неизбежен.

Группа позади меня начинает выкрикивать вопросы, но Эрлс заставляет всех замолчать.

– На разговоры нет времени. Вы должны следовать нашим инструкциям – прямо сейчас.

Он кивает капитану, который начинает направлять солдат. Взрослых и старших детей провожают в столовую, где они приседают под столами, прикрывая голову руками.

Они ведут Элли и меня в жилое крыло, в маленькую комнату с двухъярусными кроватями по бокам. Мы занимаем нижнюю койку. Мэдисон и Аделина лежат напротив нас. Горит свет, и я вижу испуганное лицо моей сестры. Она слегка дрожит, крепко прижимаясь к дочери. Я держу Элли рядом с собой, теряясь в догадках, где Джеймс.

Элли видит, что мы напуганы, и это пугает ее саму. Она начинает рыдать, что-то неразборчиво бормоча. Ее слезы падают на мою шею. Ради нее я бы хотела быть смелой, но сейчас, зная, что нам, вероятно, осталось жить всего несколько секунд, это невозможно. Я прижимаю ее ближе к себе и перемещаюсь, чтобы расположить свое тело над ней, как медведица прикрывает детеныша в ее логове.

Предыдущий удар сопровождался лишь пустым грохотом.

Этот же подобен попаданию в машину пушечного ядра. Нас подбрасывает, как на батуте. Я держу Элли, чувствуя, как моя спина касается второго яруса кровати, после чего мы падаем обратно. Лампы освещения мигают, воздух наполняется пылью. В моих ушах только треск и звон, но постепенно звуки окружающего мира возвращаются, как будто на радиоприемнике прибавляют громкость. Все пространство вокруг меня заполнено криками и плачем.

– Мэдисон! – Я кричу, не в силах увидеть ее. Мой голос звучит тише, чем я ожидаю. Как и ее, – она будто шепчет:

– Я в порядке. А ты?

– Да.

Я смотрю на Элли, которая тиха и спокойна. Ее лицо скрывает изгиб моей шеи, как будто она прячется от опасности вокруг нас. Ее грудь вздымается. Она жива.

– Дорогая, – шепчу я, отрывая дочь от себя. Удивительно, с какой силой она цепляется за меня. – Дорогая, мне нужно посмотреть, есть ли у тебя шишка.

– Па?

До этого момента я сдерживалась, но плотина сорвана, слезы текут, и я не могу их остановить. Я не отвечаю, потому что не доверяю своему голосу. Это лишь еще больше расстроит ее.

Хорошей новостью является то, что она в порядке. На бедре синяк, но лечение не требуется. Другим повезло не так сильно. Снаружи этой комнаты я слышу, как они зовут на помощь.

Я долго обнимаю Элли, глажу ее по волосам и думаю лишь о том, какой будет жизнь сейчас. Наш мир только что разрушили. Снова. Раньше, во время Долгой Зимы, нам было с чего начать. У нас был шанс. Теперь я в этом совсем не уверена.

В первый раз, когда я слышу, как меня зовут, мне кажется, что это лишь мое воображение. Затем меня снова окликают:

– Эмма!

– Я здесь! – кричу я в ответ охрипшим колючим голосом.

Отряхиваясь от пыли, в затянувшей комнату дымке вырисовывается фигура. Лицо разбито, а волосы испачканы потом и пылью. Но Джеймс жив. Должно быть, он спустился в последнюю поездку на лифте, прямо перед ударом. Он наклоняется и обнимает нас, и за всю свою жизнь я никогда не была так благодарна.

Глава 11

Джеймс

Голоса в темноте окликают друг друга, словно потерянные души, запертые в чистилище между небом и адом.

Мама!

Папа!

Эндрю!

Сьюзен!

Джастин, ты меня слышишь?

Я крепко держусь за Эмму и Элли, когда бункер снова встряхивает.

– Еще один астероид? – шепчет Эмма.

– Да, но не здесь. Возможно, он ударил по другим лагерям, – отвечаю я тихим голосом, надеясь, что Элли не понимает.

Через минуту следует еще одно землетрясение, и затем они начинают повторяться через каждые несколько секунд, как бушующая буря, которой, кажется, нет конца. Земля разгромлена. Я предполагаю, что каждый астероид шириной около полумили – достаточно маленький, чтобы его было трудно увидеть нашими телескопами, если предположить, что он не был как-то замаскирован.

Тем не менее, астероид размером в полмили достаточно велик, чтобы нанести реальный урон. Ударный кратер будет иметь ширину в десять миль. Взрывная волна дошла бы до пятидесяти миль. Эффект удара будет ощущаться на расстоянии до ста пятидесяти миль.

В течение всей ночи удары обрушиваются на бункер, стряхивая грязь и песок с потолка и заставляя свет мерцать. Я крепко держусь за Эмму и Элли и думаю, что мне нужно вытащить нас отсюда. Я сделаю это и лишь надеюсь, что остался мир, в который можно вернуться.

* * *

Цитадель – не отель «Ритц», и не должна им быть. Она была спроектирована как временное убежище во время бедствия. Проще говоря, сама ее суть в том, чтобы быть краткосрочным пристанищем.

Поэтому здесь именно так, как есть: тесно и темно (генераторы уменьшили выходную мощность, в том числе и на освещение, чтобы дать нам возможность прожить здесь больше времени – по крайней мере, пока мы не определим, сможем ли мы сами работать на полную мощность).

Вместо того чтобы собрать всех в столовой, отряды солдат приходят провести инвентаризацию. Они эвакуируют раненых и инструктируют остальных оставаться там, где мы есть. На данный момент эта комната с двухъярусными кроватями – наш дом.

Фаулер приходит, чтобы проверить нас. Он сейчас главный, и я считаю, что это лучший вариант.

Я не могу перестать винить себя. Я должен был это предвидеть. Я должен был знать, что Сеть поступит умнее, чем просто атаковать в лоб. Это не соответствует ее уровню интеллекта и способностей. Почему я этого не понял?

В глубине души, может быть, я это и сделал. Последние два года я чувствовал беспокойство и где-то в подсознании знал, что три больших астероида не были настоящей атакой. Почему я не признался в этом самому себе? Почему я не копнул глубже? Это моя работа – защищать этих людей и мою семью.

Ответ кажется очевидным: я хотел, чтобы это было правдой. Я хотел, чтобы угроза была простой – угрозой, с которой мы могли бы справиться. Я хотел, чтобы наша война с Сетью была закончена.

Но сейчас она только началась.

С момента моего последнего появления тут Цитадель обновилась. Пространство, где теперь стоят койки, раньше было большой больничной палатой. Здесь десять комнат, каждая с восемью двухъярусными спальными местами. Некоторым из взрослых придется выспаться в столовой. Детям предоставляют место на кровати, но никто из них не хочет спать. Они слишком напуганы, и я не могу их за это винить.

Младшие дети толпятся в нашей комнате. Они учатся в одной школе с Оуэном и Аделиной, и я думаю, что вместе они чувствуют себя в большей безопасности. Эмма и Мэдисон пытаются отвлечь их, читая рассказы.

Рядом с комнатами есть небольшой офисный уголок. После того, как солдаты обошли все вокруг, я отступаю в офис и с облегчением нахожу рабочий планшет. Я слишком взвинчен, чтобы спать. Работа – именно то, что мне сейчас нужно.

Хорошей новостью является то, что у нас все еще есть вода. Жители Цитадели, стараясь расслабиться, посменно посещают общие ваннские комнаты и душ. Сегодня вечером им будет трудно заснуть.

Подходит Оскар и просто стоит возле офиса и ждет. Он так хорошо меня знает: не задает вопросов, не предлагает мнений. Наконец, я поворачиваюсь к нему.

– Лифт – наша приоритетная задача. Мы спускались на нем последними. Если удар астероида был достаточно далеко, возможно, лифт еще работает. Нам нужно знать это наверняка. И если лифт не работает, мы должны знать, что шахту не засыпало. Выяснить все придется тебе.

Причина для Оскара очевидна – это слишком опасно для любого из нас. Он же даже не вздрагивает.

– Да, сэр.

Он уходит без единого слова. Если этот лифт работает, у нас может быть шанс. Если нет, шансы появятся спустя какое-то время.

Из офиса я наблюдаю, как дети бредут к душевым, а через какое-то время снова выходят: обессиленные, с опущенными плечами и мокрыми волосами. В дверном проеме возникает Фаулер. Доктор, прислонившись к косяку, выглядит усталым и намного старше своих шестидесяти двух лет.

– Нужно что-нибудь?

– Мы в порядке.

– Давай соберемся утром и попытаемся выяснить, что делать.

Он смотрит на мой планшет и экран над столом. На нем показана карта Цитадели и туннелей аварийного выхода.

– Но у меня такое впечатление, что ты уже начал работать над этим.

– Просто готовлюсь.

Он входит в кабинет и закрывает за собой раздвижную дверь.

– Никто не ожидал этого, Джеймс.

– Я должен был...

– Ты не можешь так думать. Ты спас нас один раз – на самом деле, вероятно, дюжину раз. И это еще не конец. Поспи немного, а завтра разберемся.

* * *

Я чувствую себя смертельно уставшим, когда ложусь на койку. Несколькими минутами позднее появляется Эмма с Элли в руках. Наш ребенок мирно спит.

Повернувшись на бок, я даю Эмме положить дочку между нами и самой устроиться рядом. Она выглядит такой уставшей. Взяв меня за руку, она притягивается ближе и целует меня. Пока ее лицо еще совсем рядом, я шепчу ей:

– Как она?

– Напугана.

Койка очень мала, но этой ночью нас ни за что не разлучить, а завтра я посплю в кухне. Прижав ее к себе, я говорю:

– Я собираюсь вытащить нас отсюда. Обещаю.

* * *

Я ждал, что Оскар вернется вечером, когда я буду засыпать. Но стоит мне встать и выйти в общий коридор, как я вижу, что он стоит сразу напротив дверей офиса. Он работал над различными выражениями лица, но сейчас – это просто маска. Ожидание его ответа действительно болезненно. Явное спокойствие его лица никак не связано с той новостью, которую он сообщает:

– Шахта лифта обрушилась.

Глава 12

Эмма

Я чувствую себя разбитой и усталой, мои ноги и руки болят. Элли мирно спит рядом со мной, но место, где спал Джеймс, пусто.

Внезапно меня охватывает тошнота. Я закрываю глаза, надеясь, что это пройдет, но моя голова плывет, как будто я кружусь и не могу остановиться.

Трясущимися руками я перелезаю через Элли и захожу в общую ванную комнату, успев как раз вовремя, чтобы опустошить скудное содержимое моего желудка. Я жду у туалета, желая, чтобы это прошло.

Этот приступ утренней болезни еще хуже, чем предыдущие. Вчерашние усилия сделали свое дело. Стресс и усталость, как известно, усугубляют утреннюю тошноту, а за последние двадцать четыре часа у меня было и то и другое. Сегодня мне определенно понадобится моя трость, но она осталась на поверхности. Так же, как и множество вещей. И что еще важнее: там осталось много людей.

Когда тошнота наконец стихает, я иду по коридору, держась рукой за стену, чтобы перенести вес с моей больной ноги. Офисный уголок, который Джеймс использовал прошлой ночью, пуст. В ванной его тоже нет. Но в маленьком общем зале, примыкающем к комнате, где мы спали, я нахожу Мэдисон. Она сидит в кресле с откидной спинкой, держа на груди ребенка, который прижимает ко рту бутылочку. Бьюсь об заклад, это ребенок одного из родителей, которые остались на поверхности.

Заметив, что я подхожу, она поднимает взгляд, улыбается, и я вижу, сколько морщинок прибавилось у нее на лице.

– Ты давно проснулась? – шепчу я.

Она слегка пожимает плечами и переводит взгляд на ребенка.

– Я не смотрела на часы, когда встала.

Значит, давно.

– Я могу взять ребенка.

– Нет. Я уверена, что у тебя и так есть чем заняться. Здесь я сама справлюсь.

Наклонившись, я целую ее в лоб, и выхожу из этого крыла в фойе, но там тоже пусто.

Из столовой слышится шум: звон посуды, разговоры – голоса я узнаю. Медленно двигаясь вперед, с трудом делая маленькие шажки, я думаю, что мне действительно нужно вылепить трость. Я должна взять на себя часть веса и давления с моих ног – особенно с левой.

Зона отдыха в столовой пуста. Шум явно идет из кухни. Я открываю распахивающиеся двери и обнаруживаю, что Фаулер и Григорий стоят за стальным кухонным островом, их руки покрыты жидким тестом и заменителем яиц.

– Это пустая трата времени, – вскидывает руки Григорий. – Пусть они едят хлопья. У нас их много.

Фаулер смотрит на него.

– Это важно, Григорий. Нормальность...

– Что еще за нормальность? Нет такого слова.

Кажется, они одновременно замечают меня.

– Хорошо спала? – Фаулер улыбается.

– Неплохо.

Я иду к кухонному острову, опираюсь на него руками и наконец-то снимаю давление с ног. Так намного лучше.

– Где Джеймс?

Двое мужчин переглядываются. Я знаю этот взгляд – он говорит: «должны ли мы сказать ей?»

– Скажите мне, – отвечаю я на невысказанный вопрос.

– Джеймс и Оскар, – говорит Фаулер, – ищут, как выбраться отсюда.

– Я проверю, не нужна ли ему помощь.

Оттолкнувшись от стола, я морщусь, перенося вес на ногу.

– Посмотрим, не хочет ли он приготовить завтрак, – слышу я голос Григория, выходя через распашные двери.

У входа в лифт я не нахожу ни Джеймса, ни Оскара. Панель управления не отвечает, и это не очень хорошо.

Где же он может быть? Весь объект Цитадели – один уровень. Ниже находится только подвал для хранения всего механического оборудования и запасов. Как войти туда, я не знаю. Я брожу по залам добрых тридцать минут, прежде чем нахожу его. Кажется, все еще спят, вероятно, изнуренные напряжением и эмоциональным стрессом прошлой ночи.

Доступ в подвал выглядит как кладовка. Он тускло освещен, а вдоль стен лежат коробки с деталями и инструментами.

В самом его конце – широкая лестница. По ней я спускаюсь в темноту и, оказавшись на дне, замираю на достаточно долгое время, чтобы мои глаза привыкли к недостатку света. Подвал такой большой, что я даже не вижу дальней стены. Все пространство усеяно бетонными колоннами, точно пещера – сталактитами. Провода и трубы пересекают потолок и свисают вниз, соединяясь с распределительными коробками. Высота потолка не может быть более семи футов. Все вокруг выглядит как пещера, в которой обитает механический монстр.

– Эй? – окликаю я в темноту.

– Мэм, – слышится мягкий ответ Оскара.

– Оскар, ты где?

– Повернитесь на восемнадцать градусов против часовой стрелки и продолжайте идти. Смотрите под ноги, мэм.

Иногда я забываю, насколько он не человек. Видеть в темноте – лишь одна из его выдающихся способностей. В тусклом свете я осторожно иду вдоль проводов, труб и небольших устройств, которые могут быть водонагревателями, очистителями воздуха или какими-то другими механическими агрегатами, которые нужны Цитадели.

Я нахожу Оскара рядом с тем, что могу описать только как люк. Он круглый и имеет колесо, подобно тем, которые находились на древних военных кораблях. Он открыт, а за ним – коридор непроглядной тьмы.

– Что происходит, Оскар?

– Это один из аварийных выходов. Джеймс сейчас его проверяет.

– Один из спасательных проходов?

– Всего их два. На случай, если один рухнет. Раньше мы уже проверили другой – он заблокирован мусором.

– Лифт не заработал, когда я попробовала запустить его.

– Рухнул основной вал, – говорит Оскар без эмоций. – Мы отключили двери лифта с главной панели управления Цитадели.

Я двигаюсь к туннелю.

– Как давно он ушел?

– Сорок пять минут двадцать одну секунду назад.

– Похоже, довольно давно.

– Для изучения другого туннеля потребовалось всего двенадцать минут и тридцать две секунды. Пещера была довольно близко к входу в туннель. Однако я ожидал, что он вернется. Он настоял на том, чтобы идти самому.

– Почему?

– По его словам, он устал стоять, просто ожидая меня.

Я подавляю улыбку.

– У тебя есть фонарик?

Оскар передает его мне со словами:

– Мне, вероятно, не нужно говорить вам, что он не хотел бы, чтобы вы входили в туннель.

– Возьму на заметку.

Я забираюсь в туннель высотой примерно пять футов. Необходимо пригнуться, чтобы идти, но мне хотя бы не нужно ползти. Стены кажутся металлическими, и они холодные на ощупь. Мои шаги отдаются эхом.

– Джеймс! – кричу я, но ответа нет.

– Мэм, – окликает меня Оскар. – Должен ли я присоединиться к вам?

– Нет. Оставайся здесь. Если я не вернусь, найди Фаулера и возвращайтесь с подмогой.

– Да, мэм.

Я продолжаю двигаться вперед, пытаюсь больше опираться на здоровую ногу. Вскоре я чувствую небольшой уклон, который, кажется, увеличивается с каждым шагом, пока, наконец, не понимаю, что иду под углом в тридцать градусов. Мои ноги горят. Я чувствую спазмы в пояснице. И в этот самый момент туннель заходит в тупик. Но я сейчас же понимаю, что, на самом деле, туннель разворачивается. Я пытаюсь хоть что-то увидеть в свете фонарика, но в коридоре нет ничего, кроме тьмы.

– Джеймс! – Ответом мне служит лишь эхо.

Я чувствую грохот под моими ногами, дрожь, которая посылает через меня заряд страха. Должно быть, земля в том месте, куда ударил астероид, все еще проседает. Нам нужно выбраться из этого бункера. Нам нужно подняться на поверхность.

Когда дрожь прекращается, я двигаюсь быстрее, ноги все еще горят, пульсация усиливается с каждым шагом. Мне действительно нужна трость. Но еще больше мне нужно найти мужа.

Я добираюсь до другого переключателя и поворачиваю за угол, протягиваю фонарик и снова кричу. По-прежнему ничего. Я продолжаю беспокоиться.

На следующей лестнице, двигая луч фонарика, я замечаю, что впереди что-то лежит на полу. В этой части туннеля повсюду куски камней и грязи. Как будто обломки двинулись вперед и скатились сюда. В этом я уверена: потолок туннеля расколот. Секции раньше были холодными и сухими, а здесь на стенах есть небольшая сырость.

Но там не может быть Джеймс. Я не вижу его фонарик, и, тем не менее, ускоряю темп. Мои ноги начинают дрожать от напряжения, но я все равно иду. Я практически бегу, когда добираюсь до кучи мусора, из-под одного края которого что-то торчит.

Это действительно Джеймс лежит без сознания, а вокруг разбросаны осколки горной породы. Я замерзаю, держа в дрожащей руке фонарик. Он не двигается.

Протянув руку, я прикладываю пальцы к его шее. Сердцебиение, слабое, но регулярное, значит, он жив. Его фонарик лежит на земле, разбитый осколками падающего мусора.

Мне надо подумать. Прежде всего его нужно оттащить от расколотого потолка над головой, потому что обрушение может произойти снова. Я просовываю руки ему под мышки и изо всех сил тяну вперед по туннелю в сторону от обломков. Положив его голову себе на колени, я сажусь и пытаюсь отдышаться.

– Джеймс, ты меня слышишь?

В ответ тишина.

Я никак не смогу вытащить его из этого туннеля. Нужно идти за помощью, но оставлять его одного я не хочу.

Поднявшись рывком, я тащу Джеймса подальше от места, где рухнул потолок, и, наконец, прислоняю его к стене на лестничной площадке. Восстановив дыхание, я хромаю обратно по

туннелю, постоянно окликая Оскара. Спускаться намного легче, и к тому же беспокойство отодвинуло боль на второй план.

Наконец слышится голос Оскара:

– Мэм?

– Давай скорее, Оскар. Ты нужен Джеймсу.

Глава 13

Джеймс

Я просыпаюсь в маленьком медицинском отсеке Цитадели рядом с ванными комнатами. Голова пульсирует так, будто это худшее похмелье в моей жизни. Еще и эта тошнота... Я переворачиваюсь, думая, что меня может стошнить, но ничего не приходит, только начинает болеть спина.

Занавеска вокруг моей секции медицинского отсека открыта, на стуле сидит Эмма с суровым выражением лица.

– Теперь мы внедряем систему работы с напарником, – говорит она.

– Замечательно, – бормочу я в ответ.

– Что произошло?

– Стены туннеля уже были расколоты. Пока я проверял разлом, дрожь снаружи окончательно расшатала камень.

Она встает и берет меня за руку.

– Ты должен быть более осторожным. Мы не можем позволить себе потерять тебя – я не могу.

* * *

После этого мы действительно внедряем систему работы с напарником. Оскар и я возвращаемся в туннель в тот же день, но с гораздо большей осторожностью. Второй эвакуационный туннель ведет намного дальше к поверхности, но он так же обвалился.

Я предполагаю, что астероид попал в поверхность прямо над Цитаделью. Я так и думал, что он поразит непосредственно лагерь № 7. Сеть должна была нацелиться на этот бункер, полагая, что наиболее ценный персонал будет эвакуирован именно сюда. Видимо, их математические расчеты показали, что удар астероида в этой точке также уничтожит и лагерь № 7. Две цели одним ударом – для Сети это эффективность. Задачей было, как я полагаю, сохранение энергии. Ради Лины и всех людей, которых мы оставили, я надеюсь, что Сеть просчиталась. Я надеюсь, что по крайней мере какая-то часть населения пережила взрыв.

Пройдет некоторое время, прежде чем мы узнаем, так это или нет. На данный момент мы здесь в ловушке. Вот так легко и просто.

Фаулер организует встречу с моей командой (без Лины) вместе с Эммой, полковником Эрлсом и Оскаром.

Мы собираемся на кухне вокруг центральной рабочей зоны. Некоторые из нас сидят на табуретках, другие опираются на небольшие холодильные камеры.

Это напоминает мне пузырь на «Пакс», где мы все пристегивались к столу в конференц-зале и решали, как жить дальше. Здесь и сейчас мы находимся под таким же давлением, что и тогда.

– Давайте начнем с отчетов о состоянии, – говорит Фаулер. – По каждому отделу.

Мы все сосредоточены на Идзуми. Естественное, с чего стоит начинать – со здоровья нашего населения.

– Хорошая новость в том, что серьезных травм нет. Ничего, требующего немедленной операции. В Цитадели есть приличный запас различных лекарств, и я ожидаю, что его хватит дольше, чем запасов еды.

– На сколько? – уточняет Фаулер.

– Примерно три недели.

– Можем ли мы нормировать выдачу продуктов? – задает вопрос Гарри.

– В этом случае как раз их хватит на три недели, – отвечает Идзуми. – И нам нужно начинать сегодня.

– После того, через что мы все прошли, я думаю, будет правильным устроить щедрый завтрак, – замечает Мин.

Идзуми бросает на него хмурый взгляд.

– Я тоже. Но теперь я думаю, что мы должны начать нормирование продуктов.

– Я считал, что люди могут прожить без еды в течение нескольких недель, – говорит Григорий, игнорируя их ссору.

– Технически это правда, – отвечает Идзуми. – Но это не так просто.

– Учитывая ситуацию, я думаю, что нам всем стоило бы услышать информацию по основам выживания, – предлагает Фаулер.

– Хорошо. – Идзуми глубоко вздыхает. – Чтобы выжить, человеческое тело нуждается в кислороде, воде и пище – примерно в таком порядке. Мы можем прожить пять-десять минут без кислорода, три-восемь дней без воды и от двадцати до сорока дней без пищи. Но то, как долго человек может выжить без еды, сильно зависит от него самого: от его веса, генетического состава, состояния здоровья и, что наиболее важно, от наличия воды.

Она смотрит на Джеймса.

– Наше водоснабжение в безопасности?

– В полной. Здесь в Цитадели у нас есть система водоотведения, и мы подключены к водоносному горизонту поблизости.

– Это хорошая новость, – кивает Идзуми. – Кроме того, человеческое тело очень хорошо адаптируется. Когда оно не получает необходимые ему калории, оно меняет свой метаболизм, чтобы выиграть время и найти их. Первое, что делает организм, – берет гликоген из нашей печени и превращает его в глюкозу, которая поступает в нашу кровь. Когда этот гликоген исчезает, организм начинает использовать запасенные белки и жир. Первоначально они распадаются на глицерин, жирные кислоты и аминокислоты, которые снижают потребность организма в глюкозе. Белки, которые не важны для выживания, будут использованы в первую очередь. Если тело все еще не получает необходимые ему калории, оно снова меняется. Оно начинает больше полагаться на жир, который превращается в кетоны. И, наконец, когда запасы жира исчезают, организм начинает пожирать оставшийся белок. Мышцы, наши самые большие запасы белка, быстро истощаются. Остаются лишь белки, необходимые для деления клеток. Когда тело начинает использовать их, следует повреждение и разрушение органа. В этот момент иммунная система начинает сильно ухудшаться. Инфекционные болезни, с которыми мы могли бы бороться, легко становятся смертельными. Смерть от остановки сердца является распространенным явлением на этой стадии. Большинство тех, кто выживет после этих опасностей, умирает от одной из двух болезней: тяжелой дистрофии или маразма.

– Это, – медленно говорю я, – вероятно, самая лучшая мобилизующая беседа, способная помочь нам выбраться отсюда.

Идзуми разводит руками.

– Извините, что представила все настолько в мрачном свете. В итоге: те, у кого лучше здоровье и больше жиров и белков, будут жить лучше. Вот чего я хочу достичь своим планом нормирования. Цель состоит в том, чтобы замедлить наше потребление в максимально возможной степени, не рискуя в долгосрочной перспективе повреждением органов. А через три недели мы начнем видеть подобное постоянно, наряду со смертельными случаями.

– Что еще мы можем сделать, чтобы увеличить наши шансы? – спрашивает Фаулер.

– Избегать обезвоживания – вот что самое важное. Кроме того: никаких стимуляторов. Ни кофе – ни кофеина любого рода. Сокращение наших энергетических затрат также поможет.

– Сидеть и смотреть телевизор весь день? – спрашивает Гарри.

– Конечно. Но я за контент с рейтингом G. Все, что вызывает учащенное сердцебиение, просто расходует больше калорий.

– Три недели, – медленно произносит Фаулер. – Почему здесь не было больше еды?

Полковник Эрлс выдыхает. Я думаю, что он ожидал этого вопроса.

– Цитадель была заполнена на необходимом уровне, но мы в десять раз превышаем максимальную численность населения для бункера. Моей группе сказали, что до потенциального удара астероида осталось еще шесть недель. План эвакуации и положения должны были быть рассмотрены, но это не было приоритетом. В ЦЕНТКОМе все были сосредоточены на взаимодействии с тремя большими астероидами.

– Вопрос в том, – говорит Эмма, – как мы можем выбраться отсюда через три недели?

Взгляды всех медленно обращаются ко мне.

– Как многие из вас, вероятно, слышали, – размеренно начинаю я, – шахта лифта полностью разрушена.

Григорий откидывается на спинку стула.

– Я могу сделать взрывчатку.

Он, пожалуй, больше всех нас стремится вернуться на поверхность. Я не виню его. Я бы хотел поступить так же, если бы Эмма была там.

– Слишком рискованно, – отвечаю я. – Взрыв может не очистить шахту, но может дестабилизировать или даже разрушить бункер.

– Оба эвакуационных туннеля заблокированы? – спрашивает Гарри.

Я киваю.

– А выкопать новый мы не можем? – предлагает Шарлотта.

– Я не знаю. Мы не знаем, что находится за пределами обвалов. Но я думаю, можно с уверенностью сказать, что это займет значительное время. Один из аварийных выходов находится рядом с Цитаделью, указывая на то, что туннель может быть сильно поврежден на всем своем протяжении. Другой – подальше, но там по стенам на всем протяжении туннеля идут трещины.

На мгновение я замолкаю.

– Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказал, что подкоп займет более трех недель. И копать будет опасно, это я могу сам вам подтвердить. Даже с касками и соответствующими мерами предосторожности я не одобряю этого.

Григорий вскидывает руки.

– Итак, мы в ловушке? Бесполезный бункер.

– Есть другой выход, – быстро отвечаю я.

Все глаза сосредоточены на мне.

– Резервная система водоснабжения.

Как и следовало ожидать, в ответ я получаю озадаченные взгляды.

– Как я уже говорил, в Цитадели есть надежная система фильтрации воды. Она была разработана, чтобы убежище было автономным. Идея заключалась в том, что очистители будут перерабатывать воду и повторно использовать ее, подобно методам, которые мы используем на космическом корабле. Мы знали, что, если система фильтрации воды выйдет из строя, это будет смертельно для всех. И тогда построили резервный источник воды.

– Водоносный горизонт, – добавляет Эмма, словно понимая, куда я клоню.

– Верно. И мы связаны с ним трубой.

– Трубой, наполненной водой, – говорит Григорий с раздражением. Он открывает карту Цитадели на своем планшете. – Труба длиной почти два километра. И едва ли достаточна по ширине для одного из нас. Даже если вы доберетесь до водоносного горизонта, как вы попадете на поверхность?

– Склад также связан с водоносным горизонтом, – отвечаю я.

– Через другую трубу, – говорит Григорий, разводя руками. – Который, вероятно, тоже обрушен.

– Вероятно, так и есть, – признаюсь я. – Но удар астероида, без сомнения, разрушил землю вокруг кратера. Я надеюсь, что над водоносным горизонтом есть большие расщелины и что они простираются до самой поверхности.

Комната замолкает, группа обдумывает такую возможность.

– Водоносный горизонт находится довольно глубоко под поверхностью, – говорит Эмма. – Если предположить, что к нему вообще можно пройти, многим людям будет крайне сложно выбраться.

Я поворачиваюсь к ней, кивая.

– Это правда. Но это может быть наш единственный вариант.

– Давайте вернемся к тому, что было сказано, – подытоживает Гарри. – Можем ли мы добраться до водоносного горизонта? У нас есть снаряжение для подводного плавания?

– Нет, – отвечает Фаулер.

– Нам это не нужно. – Я подвигаюсь к Оскару. – У нас есть кое-кто, не нуждающийся в кислороде, кто может плавать как рыба на многие мили и никогда не устает.

* * *

В подвале Оскар подключается к генератору и заряжается, пока не наберет полную мощность. Я не думаю, что ему понадобится полная зарядка, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

На водоочистой станции он стоит у резервуара, всматриваясь в люк.

– Скорее всего, для движения ты сможешь использовать только свои ноги, – объясняю я. – Трудно предположить, как быстро ты сможешь двигаться. Для достижения водоносного горизонта может потребоваться три-четыре часа.

– А потом?

– Ты должен руководствоваться здравым смыслом, Оскар. Если нам повезет, удар астероида открыл вершину водоносного горизонта. Если ты увидишь свет сверху, поднимайся на поверхность. Если нет, попробуй найти резервную трубу, которая ведет к складу.

– А что, если трубы, ведущие к водоносному горизонту или к складу, обрушились?

– Тогда мы действительно попали здесь в ловушку.

Глава 14

Эмма

Оскара нет уже два дня. Я знаю, что Джеймс беспокоится о нем.

Ожидая его возвращения, мы попытались установить какой-то распорядок дня, в основном ради детей.

В общей комнате жилого крыла Дэвид и несколько других отцов и матерей организовали временный уход за детьми младшего возраста.

В столовой Мэдисон и Шарлотта создали своего рода школу. Это напоминает эпоху переселенцев: дети всех классов, от начальной до средней, сидят все вместе в школе, состоящей из одной комнаты. Дети не особо сгруппированы по возрасту, и Мэдисон с Шарлоттой переходят от группы к группе, раздают задания и проверяют прогресс. Мэдисон даже организует пьесу для постановки. Идея проста: если мы будем заняты, возможно, будем оставаться позитивными и оптимистичными.

* * *

Я нахожу Джеймса в подвале. Лампы свисают с балок, освещая механические детали, кучей лежащие на полу. Судя по всему, он разбирает любое оборудование, которое не является необходимым.

– Чем я могу помочь? – спрашиваю я, садясь рядом с ним.

– Ничем. Просто... расскажи мне о своем дне. – Он не отрывает взгляд от оборудования, над которым работает. Прибор чем-то напоминает устройство для очистки воздуха.

– Я взяла Элли в детский сад.

– С Дэвидом? – говорит он, не поднимая глаз.

– С ним самым, – улыбаюсь я.

– А потом что?

– Затем работала с Фаулером и Григорием над тем, как нам растянуть запасы еды на более длительный срок.

– Да?

– Мы думаем, что сможем превратить часть подвала в небольшую ферму.

Он кивает так, как делает, когда поддерживает идею, но до конца в ней не убежден.

– Что ты конструируешь?

– В основном просто разбираю вещи.

– Получаешь детали, чтобы увидеть, с чем придется работать?

– Совершенно верно.

– Что ты хочешь создать?

Он улыбается.

– Угадай.

– Нечто, что спасет нас.

– Уверен, ты можешь и лучше.

Я раздумываю минутку: очевидно, он строит робота. И тут до меня доходит...

– Робота, который сможет выкопать нас.

– Близко. Я проектирую робота, достаточно маленького, чтобы проскользнуть через трещины в эвакуационных туннелях. Возможно, ему придется немного покопаться, чтобы добраться до поверхности.

– А что потом? Как маленький робот на поверхности поможет нам?

- Подумай.
- Ой, верно. Вы собираетесь позвать на помощь.
- В точку.

* * *

Койка слишком мала для нас с Джеймсом, но это не мешает нам делиться ею. Каждую ночь с тех пор, как мы опустились сюда, мы спим вместе, устроившись по бокам, как анчоусы. Элли между нами.

Последним в комнате обычно гаснет ночник Мэдисон. Когда это происходит, Джеймс шепчет мне:

- Я имел в виду именно то, что сказал. Я собираюсь вытащить нас отсюда.
- Я верю в это. Я люблю вас.

Я думаю сказать ему, что беременна, но сейчас еще не время. В его голове мыслей и так предостаточно.

* * *

Я просыпаюсь с ощущением, что кто-то хватается меня за руку, и понимаю, что это Джеймс осторожно тянет ее со своей стороны. Он перелезает через меня и из койки. К счастью, я не чувствую утреннюю тошноту, иначе, думаю, Джеймс сразу бы все понял.

Когда мои глаза приспособляются к темноте, я понимаю, что дверь в спальную комнату приоткрыта. Снаружи стоит фигура, с одежды которой льются потоки воды.

Оскар вернулся.

Он нашел выход на поверхность? Или он пришел сообщить плохие новости о том, что мы попали в ловушку без надежды выбраться отсюда?

Глава 15

Джеймс

В небольшом офисном уголке Оскар рассказывает об увиденном.

– Сэр, я прошу прощения, что это заняло у меня так много времени.

– Что ты обнаружил?

– Водопровод был поврежден в нескольких местах.

– Проломлен?

– Нет. Только помят. Было узко, но все же можно пройти.

– Ты добрался до водоносного горизонта?

– Да, сэр. И я выбрался на поверхность.

– Как?

– Водопроводная труба, ведущая на склад, полностью обрушена. Но я нашел проход от верхнего края водоносного горизонта до поверхности. Мне жаль, что вышло так долго. Я много раз попадал в тупик.

– Ты проверял эвакуационные туннели, ведущие из Цитадели?

– Они обрушились у поверхности, сэр. Очень далеко от тех мест, которые мы определили здесь.

Эта новость становится настоящим ударом. Аварийные туннели были нашей лучшей возможностью вывести всех быстро и безопасно. Но мы еще не побеждены.

– Мне очень жаль, сэр.

– Это еще не конец.

– Я не понимаю. Я все еще единственный человек, который может выбраться.

– Пока, Оскар. Я хочу, чтобы ты вернулся на поверхность. Во-первых, я хочу, чтобы ты добрался до здания Олимпа и отправил беспроводной тестовый запрос Оливеру. Если он в сети – проверь состояние системы.

– И что в этом случае?

– Мы определенно могли бы воспользоваться его помощью, но если он похоронен в руинах, а я подозреваю, что это именно так, его пока не вернуть.

– Есть, сэр. Что мне делать после того, как я пошлю запрос Оливеру?

– Иди в соседнее здание ЦЕНТКОМ. В земле рядом с ним, в северо-восточном углу, находится бункер. Если я прав, некоторые бункеры могут быть не повреждены. Если это так, то вот инструкции для входа и список вещей, которые ты должен принести. Эти предметы – ключ ко всему...

* * *

На нашей утренней встрече я говорю команде, что Оскар достиг поверхности. Новость встречена приглушенными радостными возгласами. Есть ощущение, что мы можем запросто выбраться отсюда, что у нас есть шанс на выживание.

Каждый хочет знать следующий шаг. А он заключается в том, что я должен осмотреть маршрут и определить, сможем ли мы таким образом эвакуировать всех. Я знаю, что Эмма будет против того, чтобы шел я, но это необходимо сделать. По этой причине на все вопросы о плане я отвечаю уклончиво, раскрывая только то, что отправил Оскара на поверхность, чтобы найти некоторые предметы, которые дадут мне представление о наших возможностях. К счастью, этого для моей команды достаточно. Пока.

Этой ночью, сидя в подвале и работая над своими микродронами, я слышу шаги, в комнате очистки воды. Я не разочаровался в беспилотниках, но надеюсь, что они мне не понадобятся.

Оскар идет ко мне, держа в руках одежду, которую я просил, стараясь не дать ей ни за что зацепиться, неся, как свадебное платье невесты, которое должно быть идеальным. И это на самом деле так. Любой прокол может означать смерть для меня. Подойдя, Оскар осторожно укладывает передо мной два скафандра. Какое-то мгновение я смотрю на них. Это рискованное предприятие, но это наш лучший шанс.

– Сэр, я попытался связаться с Оливером, но никакого ответа не было.

– Вероятно, сломан.

Оскар не отвечает. Его лицо – это маска, но мне интересно, дошел ли его искусственный интеллект до того, чтобы испытывать какие-то чувства по поводу новостей об уничтожении Оливера. Я всегда считал, что Оливер похож на младшего брата Оскара. Интересно, думает ли Оскар так же.

– Сэр, могу я спросить, как вы собираетесь использовать костюмы?

– Они – наш билет отсюда. Ты вытащишь меня и еще одного человека через запасную трубу для воды. Если это сработает, мы воспользуемся маршрутом, чтобы вывести остальную часть населения Цитадели.

– А если нет?

– Если нет, что ж... Тогда разберемся, как нам быть.

– Кто присоединится к нам на первом пробном выходе?

Вот в чем вопрос. Очевидно, что это должен быть один из молодых солдат. У них больше всего шансов пройти сквозь трубу и остаться в живых. Но это значит – не только достигнуть поверхности. Речь идет о том, что нам, возможно, придется сделать, когда мы туда доберемся. Если все усложнится, то мне будет нужен инженер.

– Григорий. Пожалуйста, пойд и разбуди его. Оставьте записку для Фаулера и команды, сообщая им, что мы выходим на поверхность и вернемся как можно скорее. Торопись. Время – это роскошь, которой у нас нет.

* * *

В тусклом свете Григорий смотрит на лежащие в подвале два скафандра.

– Это безумие.

– Это, – говорю я, указывая на костюмы, – единственный выход отсюда.

Прищурившись, он переводит взгляд на меня.

– Почему я?

– Потому что ты достаточно здоров, чтобы сделать это. И я знаю, как сильно ты хочешь выбраться отсюда. Я бы тоже хотел, если бы там на поверхности была Эмма. И, наконец, когда мы выйдем наружу, нам нужно будет определить лучший способ, как вывести из Цитадели всех остальных. Возможно, нам придется изменить первоначальный план – например, попытаться очистить шахту лифта или один из эвакуационных туннелей. Мне нужен инженер.

– Рад, что ты наконец признаешь, что я профи во всем этом. – Он изучает костюм. – Это будет самый странный в истории пример использования скафандра.

Переодевшись, мы приходим к водоочистой станции, где Оскар спускается в небольшой бассейн у входа в резервную трубу. Этот бассейн должен был стать промежуточной зоной, где мы могли бы разворачивать ремонтных дронов, чтобы затем войти в трубу и выполнить техническое обслуживание. Я никогда не предполагал, что это место будет использоваться таким образом: для людей. Она тесная, а диаметра самой трубы едва хватает для меня и Григория,

одетых в космические костюмы. Не может быть, что у нас получится проплыть внутри нее, но Оскар точно сможет это сделать.

Когда я даю добро, Оскар завязывает электрический провод вокруг своей талии, проверяет его и ныряет с головой в туннель. Оттолкнувшись ногами, его фигура исчезает в пузырьковом следе.

Держа в руках другой конец провода, я жду, пока не почувствую его сигнал: четыре коротких рывка и три длинных.

Я завязываю проволоку вокруг своей талии, давая ей немного провиснуть; Григорий делает то же самое. Мы оба входим в трубу, и Оскар начинает нас тянуть.

Внутри туннеля непроглядная тьма, которую разгоняют только лампы на наших шлемах. Темнота и отсутствие контроля в замкнутом пространстве заставляют нервничать. Если костюм за что-то зацепится и порвется, то это будет медленная, мучительная смерть. Я чувствую, как на лбу образуется пот, и понимаю, что начинаю инстинктивно задерживать дыхание.

Время кажется бесконечным, вид впереди всегда один и тот же, как будто я смотрю на неподвижное изображение тускло освещенной трубы.

Между нашими с Григорием костюмами установлена связь, но у нас нет возможности общаться с Оскаром.

– Я чувствую себя, как рыба, которую тянут из воды, – говорит Григорий.

Я смеюсь, и это помогает моим нервам немного успокоиться.

Наконец я вижу впереди слабый свет. Через несколько секунд труба открывается в обширное пространство водоносного горизонта.

Я сразу бросаю взгляд вверх: на фоне темного скалистого купола сияют несколько маленьких отверстий белого света. Это напоминает мне, как бывает, когда ночью смотришь на звезды.

Фонарики наших шлемов прорезают воду, которая усеяна частицами грунта и пылью, словно облако, плавающее в пространстве. Удар астероида и здесь оставил свой след.

Мы плывем к верхней границе водоносного горизонта и следуем за Оскаром. Наконец он поднимается в большую расщелину, которая снизу выглядела намного меньше.

Я осторожно поднимаю руку, цепляясь за край скалистого отверстия, и пытаюсь вытащить себя из воды. Мокрый костюм для меня слишком тяжел. Это новая модель, современная, но она просто не была создана для гравитации Земли. Оскар хватается меня за плечо и тянет, стараясь не повредить костюм. Я с усилием отталкиваюсь, нащупав ногой скалистый выступ и чувствуя, как горят мышцы ног. Стряхнув воду, я без сил опускаюсь на землю и сижу там, тяжело дыша, сняв шлем и вдыхая влажный воздух.

Оскар помогает Григорию вылезти из воды, и мы поочередно снимаем костюмы и кладем их на уступ. Мы никак не могли бы пролезть через каменистый перевал, таща их на себе, и, к тому же, вероятнее всего, они зацепились бы и порвались. Лучше оставить их здесь.

Оскар открывает сумку и вручает каждому из нас светодиодный светильник и ремень, который мы привязываем к веревке, соединяющейся с ним. Проход на поверхность будет извилистым, и хотя я ожидаю, что будут некоторые уступы, я все же поручил Оскару принести веревку на случай, если один из нас поскользнется. Камень сырой, а я не опытный альпинист. Я сомневаюсь, что Григорий тоже. Это должно быть интересно.

Сначала мы поднимаемся медленно, Оскар проверяет рукой каждую точку опоры, часто направляя на нас фонарь, чтобы узнать, все ли у нас в порядке. Мои пальцы быстро становятся мокрыми и начинают болеть. Жаль, я не попросил Оскара взять перчатки. Подобно ребенку в отпуске, я хочу кричать «Ну сколько еще?» Но я молча продолжаю карабкаться, ползти и ползти, иногда кашляя, когда на меня опускается облако пыли.

Оскар останавливается дважды, чтобы дать нам отдохнуть.

– Я скукаю по тому ощущению рыбы на крючке, – говорит Григорий.

– Я скучаю по лифту, – отвечаю я.

Вверху луч света в проход под углом, как бы говоря: «Еще чуть-чуть дальше». Это, и мысль об Эмме и Элли, находящихся глубоко подо мной в толще земли, дает энергию, которой я и должен пользоваться.

Интересно, как далеко я ушел из Цитадели. Я смотрю на часы на моем телефоне. Почти семичасовое путешествие на поверхность оказалось намного сложнее, чем я себе представлял, и заняло куда больше времени. Я должен был знать, что Оскар преуменьшает. Для него это ничего не значит. Даже если бы мы могли получить достаточно скафандров, таким способом эвакуировать всех из Цитадели нереально.

Мои мысли движутся к Эмме. Она, должно быть, очень обеспокоена. Я подумал, что проверю маршрут, увижу кратер от столкновения с метеоритом и вернусь, пока она еще не проснулась. Но сейчас она, без сомнения, проснулась и не будет рада, что я не рассказал ей о своем плане.

Мы делаем последний рывок, и к тому времени, когда солнечный свет проникает сквозь отверстие наверху, мои руки ощущаются как лапша. Оскар протягивает руку в проход, хватая меня и тянет меня одним быстрым движением.

Я шурю, пытаюсь нивелировать солнечный эффект. Оно светит не так ярко, как до астероидов, но, по сравнению с темнотой последних восьми часов, почти ослепляет. Когда мои глаза приспособляются, я пытаюсь оценить, насколько солнечная мощность упала. Думаю, что процентов на пятьдесят. Небо туманное и больше похоже на пыльное облако, которое стирается, насколько хватает глаз.

К тому же холодно. Я задаюсь вопросом: это лишь последствия воздействия пылевого облака, вызванного астероидом, или же Сеть изменила положение оставшихся в нашей звездной системе ячеек между Землей и Солнцем? Эти ячейки были изготовлены первым «сборщиком», отправленным в нашу систему специально для сбора солнечной энергии. С тех пор, как мы победили в Битве на Церере, мы не стали атаковать их по простой причине: они маленькие, а Солнечная система огромна. Даже если бы мы могли найти их солнечные ячейки, они бы рассеялись. Мы должны преследовать их, потому что их, вероятно, тысячи, а может, и миллионы.

Мы сталкиваемся с двойной атакой – со стороны астероидов и оставшихся солнечных батарей? Долгая Зима уже вернулась?

Одних астероидов может быть достаточно, чтобы положить конец всей жизни на Земле. Их последствия гораздо более смертоносны, чем то, что происходит на месте удара. Когда астероид приземляется, он превращается в огненный шар, который сжигает все на своем пути. Вслед за огненным вихрем идет ударная волна, разрушающая деревья и здания. Пласты земли взрывом поднимаются в небо. В течение нескольких часов они падают на землю, сопровождаясь огненными взрывами. Все это также вызывает землетрясения, цунами и ураганы.

Затем все стихает, но краткосрочные последствия столь же опасны. Начинается кислотный дождь. Солнце исчезает, температура понижается, урожай гибнет.

Долгосрочные эффекты удара астероида в конечном счете зависят, во-первых, от его размера, а во-вторых, от того, куда придется удар. Худшее последствие – разрушение озонового слоя, которое открыло бы планету для смертельного ультрафиолетового излучения. Кроме того, потенциальный побочный парниковый эффект может увеличить содержание CO_2 в атмосфере и слишком сильно нагреть планету.

С мгновенными эффектами я ничего не могу поделать – взрыв, землетрясения и выбросы пришли и ушли. Краткосрочные эффекты – то, с чем мы сталкиваемся сейчас: кислотные дожди и охлаждение, вызванное пылевым облаком. В какой-то момент нам придется столкнуться с долгосрочными последствиями, если мы, конечно, до них доживем.

Оскар открывает еще одну сумку и вручает Григорию и мне теплую одежду. Одевшись, я достаю из сумки спутниковый телефон.

Как и предупреждал Оскар, телефон не может подключиться к сети. Спутники исчезли, вероятно, пострадав от астероидов или, может быть, от выбросов, вызванных ударами. На всякий случай я оставляю телефон включенным.

Это рискованно, но я активирую портативную армейскую рацию.

– Это Джеймс Синклер, оставшийся в живых в лагере № 7. Если вы меня слышите, пожалуйста, ответьте.

Проходит минута, Григорий и я сидим на земле, Оскар смотрит совершенно бесстрастно. Я повторяю свое сообщение, жду еще несколько минут, а затем бросаю радио в сумку.

– Попробуем еще раз через час.

Григорий с любопытством смотрит на меня, в его глазах читается невысказанный вопрос.

– Может быть, какой-то вертолет летит на поиски выживших.

Хотя шансов почти никаких. Лагерь № 7 еще является или уже был в Атлантическом Союзе местом, где сосредоточилась политическая и военная власть. Если кто и летал на вертолете в поисках выживших, то это были бы мы. Мы изо всех сил пытаемся хотя бы подняться на поверхность. Скорее всего, в других лагерях дела обстоят еще хуже.

Но наше спасение – только половина причины, чтобы оставить рацию включенной. Возможно, некоторые люди, оказавшиеся в ловушке, могут звать на помощь. Это маловероятно, но если мы можем помочь им – нужно попытаться.

Неподалеку припаркован военный электромобиль, который Оскар также извлек из бункера ЦЕНТКОМа. Мы с Григорием садимся в него, и Оскар приказывает ему ехать к координатам, на которых раньше находился склад над Цитаделью.

До удара астероида земля в Тунисе была каменистой пустыней, подобно поверхности Марса. Теперь она выжженная и гладкая. Камни исчезли – растаяли или их сдуло ударной волной.

Земля усеяна стеклянными прожилками в тех местах, где жар растопил песок – зрелище сюрреалистичное. В туманной тишине я чувствую себя космическим исследователем, путешествующим по чужой планете.

Оскар останавливает машину на краю огромного кратера, и мы все выбираемся, чтобы осмотреть разрушение. Дно кратера напоминает идеально гладкий пылесборник. Астероид не был массивным – не кусок скалы размером с динозавра. Но от увиденного все равно захватывает дух. Кратер, должно быть, милю в поперечнике. Разрушительное воздействие невероятно. Мой живот скручивается в узел, когда я размышляю о волне, которая ударила бы по лагерю № 7. Хотя удар был достаточно далеко, все равно многие бы сильно пострадали. Вероятно, не от огненного шара, но определенно от взрывной волны. Григорий, стоящий рядом со мной, смотрит на кратер. Я знаю, о чем он думает и на что надеется: еще не поздно спасти Лину.

Но в данный момент мы имеем дело с более серьезной проблемой.

– Давайте признаем очевидное, – начинаю я. – Труба, ведущая к водоносному горизонту, и проход вверх по скале не пригодны для эвакуации всех из бункера. Даже если мы попытаемся доставить еду обратно в Цитадель, мы не сможем перевозить ее в больших количествах. Потребовалось бы много поездок, чтобы обеспечить всех провизией, и еще больше, чтобы вывести людей. Потребуются недели, а может, и месяцы, чтобы всех эвакуировать. К этому времени у нас может закончиться еда, или могут произойти несчастные случаи.

Григорий кивает.

– Даже если бы мы могли решить проблемы со временем и поставками, мне это не понравилось бы. Выход из водоносного горизонта может обрушиться в любой момент. Нам нужно лучшее решение.

– Сэр, – говорит Оскар, – я мог бы поехать в другой лагерь, попытаться установить контакт и посмотреть, могут ли они помочь нам.

– Они, вероятно, в том же положении, что и мы. Путешествие на машине займет время, которого у нас нет. Как сказал Григорий, нам нужно решение, которое вывезет всех безопасно и надежно. – Я делаю паузу, на секунду задумавшись. – Оскар, ты видел какое-нибудь экскаваторное оборудование в ЦЕНТКОМе?

– Да, сэр.

– Хорошо. Мы быстро проведем обзор лагеря, затем отправимся в ЦЕНТКОМ и посмотрим, с чем нам придется работать.

* * *

Григорий бросает на меня тревожный взгляд, и я знаю, о чем он думает – возможно, мы найдем Лину в здании Олимпа. Я надеюсь, что так и будет и что она каким-то образом выжила.

Не говоря ни слова, мы садимся в машину и на максимальной скорости едем к лагерю. Когда мы достигаем первых зданий на окраине, мои опасения подтверждаются. Они сплющены, как деревянные дома в прерии, пораженные мощным торнадо.

Мы въезжаем в лагерь через обломки и куски зданий, валяющиеся на улице (к счастью, армейская машина оборудована для этого). Видеть такое опустошение мучительно. У любого человека в одном из этих зданий не было шансов выжить.

В глубине лагеря здания превращаются из разорванных останков в руины, купола, которые лежат кучами мусора не выше моей головы.

Григорий рядом со мной беспокойно оглядывается вокруг. Впереди, в центре того, что осталось от лагеря № 7, лежат остатки здания Олимпа, в котором размещались НАСА, НОАА и несколько других научных организаций. Олимп был частью кампуса, который включал в себя госпиталь, военный штаб ЦЕНТКОМ и административное здание правительства. То, что здания находились в центре лагеря, безусловно, помогло им избежать всей силы взрыва, но их высота не могла остаться прежней. Все превратилось в груды щебня. Олимп был шестиэтажным. Сейчас он высотой в два этажа и представляет собой просто гору мусора.

Еще до того, как машина останавливается, Григорий выпрыгивает из нее и бежит к куче. Я следую прямо за ним, прислушиваясь к любым признакам жизни – крики, плач или голоса. Но я слышу только ветер, свистящий среди руин.

Запах еще хуже: сточные воды, гниющая еда и смерть.

– Лина! – всхлипывает Григорий.

Он вваливается в груды щебня, перелезая через потрескавшиеся пластиковые стены и скрученные стальные балки, выкрикивает ее имя, скользя и спотыкаясь. Затем он внезапно останавливается, поворачиваясь ко мне со страхом и гневом в глазах.

– Мы должны найти ее. Помогите мне. Джеймс, пожалуйста.

– Григорий...

– Джеймс, пожалуйста.

Я поворачиваюсь к Оскару.

– Возьми другой автомобиль и возвращайся к Цитадели. Привези Идзуми и Гарри. Потопись. А мы пока начнем искать выживших.

Когда я вхожу в груды щебня, туманное солнце начинает садиться над пустошью, единственным местом, которое я когда-либо хотел назвать домом.

– Хорошо, Григорий. Давай найдем ее.

Глава 16

Эмма

Я лежу на койке, спиной к стене, рядом со мной Элли, и мы с ней оставили место для Джеймса. Я думала, что он вот-вот вернется. Прошлой ночью он оставил записку, в которой говорилось, что он и Григорий выходят на поверхность и вернутся как можно скорее. Я подумала, что увижу его к обеду. Но он не вернулся. Я снова искала его глазами за ужином. И потом – когда Элли и я вышли из ванной. Но его до сих пор нет. Если бы он знал, что его не будет в течение двадцати четырех часов, он наверняка разбудил бы меня, чтобы сказать это вместо того, чтобы просто оставить записку Фаулеру. Я не могу не задаваться вопросом, не случилось ли что-то с ним. И я не могу не оставить ему место в узкой кровати, надеясь, что утром он будет лежать рядом.

– Па? – Элли спрашивает.

– Он на работе, милая.

– Сейчас?

– Да, он должен работать ночью, прямо сейчас.

– Домой...

– Мы пойдем домой. Обещаю. Сейчас самое время вести себя тихо и засыпать.

Несколько недель. Так или иначе, это правда.

У нас достаточно еды еще примерно на шестнадцать дней. С этой страшной мыслью я отправляюсь спать.

* * *

На следующее утро команда встречается на кухне по двум очень веским причинам. Во-первых, мы не хотим, чтобы кто-нибудь услышал нашу беседу. Во-вторых, потому что одному из нас теперь приходится постоянно оставаться на кухне. Никто не называет дежурство на кухне тем, чем оно на самом деле является: несением караула. Еда – наш самый ценный ресурс. Это тикающие часы. Если кто-то нападет на кухню, это может быть смертельно.

Здесь все, кроме Джеймса, Григория и Оскара.

– У нас были кое-какие запросы от некоторых родителей... – Идзуми делает паузу, будто подбирая правильные слова. – Они спросили о суточной норме.

– Мы это уже проходили, – отвечает Фаулер. – Никаких исключений.

– Они не хотят исключений как таковых. Они просят, чтобы им было предоставлено право отказаться от своих пайков в пользу детей.

– Это откроет настоящий ящик Пандоры, – качает головой Фаулер. – А именно, как быть с детьми, которые находятся здесь без родителей? А если мы сделаем это лишь для некоторых, то думаю, что другие будут чувствовать необходимость последовать их примеру.

– Даже если мы скажем «нет», они все равно это сделают, – говорит Мин. – Они просто спрячут свою еду. Кое-что испортится.

– Что вы им сказали? – Фаулер спрашивает Идзуми.

– Только то, что мы это учли. Сойдет?

– Я согласен с Мин, – говорит Гарри. – Какой у нас выбор? У меня нет детей, но я, конечно, с удовольствием откажусь от своих пайков в пользу чужих.

Раздается стук в дверь. Я с облегчением вздыхаю, радуясь перерыву в дебатах.

– Входите, – кричит Фаулер.

Дверь открывается, и быстро входит Оскар.

- Где Джеймс? – спрашиваю я, прежде чем могу даже подумать об этом.
- Он на поверхности.
- Он в порядке?
- Да, мэм. Он и Григорий вышли туда безопасно.
- Можем ли мы эвакуироваться через водоносный горизонт? – спрашивает Фаулер.
- Нет, сэр. Джеймс исключил этот вариант. У него есть другой план. Извините, но он сказал мне поторопиться. Мне нужны доктор Танака и Гарри – они должны идти со мной прямо сейчас.

Глава 17

Джеймс

Мои руки болят и мерзнут. Подъем по стене водоносного горизонта плохо на них скажется. Копаться в обломках здания штаб-квартиры НАСА может быть хуже. Обломки тяжелые и острые, а руки заledenели.

Солнце зашло, и температура падает с каждой минутой, но мы с Григорием продолжаем копать в тишине.

Под тонким слоем снега и пепла мы находим вещи, которые я ожидаю там увидеть: разрушенные солнечные панели, которые когда-то покрывали верхнюю часть здания, жесткие пластовые балки, которые удерживали конструкцию, и жилы электрического провода, которые были только под крышей, близко к солнечным батареям.

Также мы обнаруживаем кое-что неожиданное: густое, черное, липкое вещество, разлитое по обломкам, словно случайно разбрызганное масло.

Григорий протягивает руку и, коснувшись субстанции, перетирает ее пальцами.

– Что это?

– Точно сказать не могу.

– Может быть, остатки изверженной породы, которая упала на землю, – делает предположение Григорий.

– Она могла смешаться с частью солнечных батарей.

– Если это так, то при формировании могли выделяться токсичные пары, – рассеянно говорит Григорий, все еще растирая вещество на пальцах.

– Это правда. Выжившим есть о чем подумать.

После этого мы копаем в тишине. Запах смерти окружает нас, но ни Григорий, ни я этого не признаем. Иногда мы делаем паузу, чтобы отдышаться и согреть руки. В каждый такой раз я пробую спутниковый телефон и рацию, и каждый раз Григорий зовет Лину.

Никто из нас не получает ответа.

Поэтому мы продолжаем копать.

Я хватаю один конец жесткой пластиковой стены, Григорий – другой, и мы вытаскиваем его из кучи. Внизу лежит металлический стол с разбитым плоским экраном посередине. Григорий знает, что это, и я тоже – это часть нашего командного пункта. Если Лина была в нем в момент столкновения, то мы уже близко.

Вытащив стол из-под обломков, мы продолжаем копать. Если бы это здание было построено традиционным способом, как, например, в Америке, из стали и бетона, гипсокартона и дерева, мы бы ни за что не смогли бы так быстро откопать его вручную. Но здания в лагере № 7 были быстро возведены из легких материалов массового производства. Тяжелые материалы разбить и сломать было бы не так просто.

Я собираю куски столешницы и выбрасываю их из кучи. Несколько дней назад мы писали на этой доске, настраивая наш план по предотвращению столкновения с теми тремя большими астероидами. Теперь мы собираем все по кусочкам – в буквальном смысле слова, потому что мы пропустили настоящую атаку.

Я скучаю по этому.

С каждым кусочком обломков я не могу не думать: без НАСА какой у нас шанс? Возможно, у Стран Каспийского Договора или Тихоокеанского Альянса есть командный центр, о котором никто не знал и который пережил эту атаку.

По правде говоря, мы должны подняться в космос и начать сражаться с новым «сборщиком». Что еще более важно: нам нужно знать, с чем мы имеем дело. И кто остался в живых, чтобы бороться с этим.

Я чувствую, как что-то влажное опускается на мои уши и волосы. Посмотрев вверх, я понимаю, что вокруг кружатся песчано-коричневые снежные порывы ветра. Зима действительно вернулась, и причем вокруг достаточно холодно, чтобы снег выпал и не растаял.

– Джеймс! – вскрикивает Григорий и начинает яростно копать, отбрасывая с дороги изуродованный офисный стул, потрепанный планшет, а затем – модельный космический корабль, разлетающийся на много осколков.

У его ног я замечаю предмет одежды: синие штаны. Григорий поднимает перегородку, открывая кисть руки, а затем и всю руку целиком. Я бросаюсь к нему и лезу в мусор, отбрасывая компьютер и клавиатуру, чтобы открыть человеческий торс.

Человек не двигается. И не дышит.

Григорий протягивает руку и отталкивает стол. Наши фары светят как прожекторы сверху, освещая окровавленное лицо человека.

Это один из техников управления орбитальной защитой. Я не могу вспомнить его имя. Может быть, Томас или Трэвис. Хороший парень. Вероятно, он остался, чтобы попытаться оптимизировать защиту массива. Могу поспорить, что он сделал все расчеты и решил, что если бы он мог убрать хотя бы еще один астероид, это того стоило. Его жизнь обменена на тысячи других.

– Должны ли мы... – начинает Григорий, но затихает, задерживая взгляд на теле.

Я смахиваю рукой пыль, и мне попадается человеческая нога.

– Давай пока просто вытащим его из-под обломков.

К тому времени, когда мы перебираемся через груды мусора и укладываем нашего коллегу на землю, наступает глухая ночь. Единственный свет сейчас исходит от наших фонарей.

Мне холодно, я голоден и устал. Причем устал еще больше, чем был в течение долгого времени. Но мы продолжаем копать.

Снег скоро покрывает обломки словно одеялом, делая их скользкими, когда мы пытаемся по ним шагать. Холодный ветер пронизывает меня до глубины души, заставляя дрожать. Я продолжаю идти, поднимая столы и стены, а также экраны, стулья и клавиатуры. Руки дрожат, щеки холодные и потрескавшиеся от ветра. Я стискиваю зубы и терплю, потому что Григорий – мой друг, как и Лина, и это то, что мы должны делать прямо сейчас.

Оскар не вернется, по меньшей мере, раньше чем через двенадцать часов. Если ему не удастся быстрее пройти через проход над водоносным горизонтом и туннелем.

Мы находим еще одно тело. А затем еще одно. Каждый раз мое сердце выжидающе замирает и каждый раз разбивается, когда я прикасаюсь к их холодной безжизненной коже. Мало-помалу становится очевидным, что мы можем обнаружить в этой юдоли страдания.

И Григорий, и я вымотались и замерзли. Мы все чаще делаем перерывы, сидя друг рядом с другом, потирая руки. Дыхание вырывается наружу белыми облачками, которые поднимаются в свете наших фонарей подобно призракам из-под надгробных плит. Но Григорий не останавливается. Я уже собираюсь просить его остановиться, воззвать к его рациональности, потому что уже прокрутил это тысячу раз в своем мозгу, когда мы находим ее.

Очевидно, Лина находилась в командном пункте, когда умерла. Я замечаю стоявшие на столах разделители и рабочие станции. Перед тем моментом, когда Григорий заметил кисть ее руки, я обнаруживаю большой обломок настенного экрана. А он сразу же разглядел длинный рукав ее футболки.

Я замираю и наблюдаю, как он неотрывно смотрит на ее тело. Этот момент длится бесконечно долго. Я жду, что он сломается – я бы точно сломался, – но он лишь наклоняется и начинает аккуратно убирать все осколки, покрывающие ее тело. Он смахивает пыль с ее лица и

волос, а руки кладет на грудь. Подойдя ближе и заглянув ему в глаза, я вижу настолько сильную разгорающуюся ярость, что она практически рвет его на части. И я чувствую то же самое.

* * *

Из последних сил я помогаю Григорию погрузить тело Лины в заднюю часть электромобиля.

Усталый и замерзший, я приказываю машине подъехать к зданию ЦЕНТКОМа, которое находится в ста ярдах от развалин Олимпа. ЦЕНТКОМ был спроектирован как вытянутое трехэтажное здание с внутренним двором посередине, похожее на Пентагон до того, как его раздавили ледники Долгой Зимы. И, как и ранее Пентагон, штаб-квартира ЦЕНТКОМа Атлантического Союза теперь представляет собой обширную пустошь.

Проектировщики здания дальновидно построили рядом с ним массивный бункер, усиленный, чтобы противостоять прямому воздушному удару. Предполагалось, что они смогут отступить туда, если начнутся боевые действия со Странами Каспийского Договора или Тихоокеанским Альянсом. План состоял в том, чтобы бункер был снабжен всем необходимым для ведения войны: оружием, едой, броней и, что важно для нашей текущей ситуации, беспилотниками. Я просто надеюсь, что за последние два года, пока мы планировали защищаться от крупных астероидов, складские помещения не были оставлены без внимания.

Понятно, что некоторые части бункера разрушены, в основном те, что находились на периферии. Руины здания ЦЕНТКОМа лежат ниже уровня земли, подобно груде мусора, брошенной в овраг. Возможно, именно поэтому они никого не эвакуировали в бункер – не были уверены, сможет ли он пережить падение астероида, или, если это произойдет, какие части строения уцелеют.

К счастью для нас, одна из сохранившихся бункерных секций имеет работающую въездную рампу, и она открыта с того момента, когда сюда добрался Оскар.

Активировав ручное управление машиной, я веду ее к входу в тоннель. Стоит нам из него выйти, как включается верхний свет. Я рад, что здесь у нас еще есть сила. Предполагаю, что это благодаря резервной батарее. Если это так, то эти элементы питания, вероятно, заряжались от солнечных батарей, которые находились наверху ЦЕНТКОМа. Теперь их нет, а значит, скоро и резервные батареи утратят свою силу. Нам нужно установить массив солнечных батарей, чтобы зарядить их. Но по одному за раз.

Одна сторона бункера похожа на гараж с транспортными средствами, бронетехникой и более легкими машинами, такими как вездеход, на котором мы едем сейчас. Еще один из быстрых вездеходов отсутствует – его забрал Оскар, пока мы разбирали завалы штаб-квартиры НАСА. Без сомнения, сейчас он сидит у входа в водоносный горизонт.

Существует несколько единиц землеройной техники, в том числе гигантский бульдозер, большой экскаватор и некоторые варианты навесного оборудования для него, в том числе гидравлический молоток и бур. Эти массивные машины, без сомнения, использовались для строительства бункера, и специалисты по планированию решили оставить их здесь на случай, если вход в бункер будет завален. Они оставили себе возможность выкопать новый проход на поверхность. И теперь эти машины могут стать ключом к тому, чтобы вывести всех из Цитадели.

Оглянувшись вокруг, я оцениваю остальную часть объекта. На открытой площадке находятся три помещения: небольшой медицинский отсек с операционной, командный пункт, заполненный неактивными экранами, и большое подсобное помещение с небольшой водочистой станцией и системой очистки воздуха.

Другая сторона открытой площадки заполнена ящиками и стойками, полными припасов, включая то, что я надеялся найти: оружием, дронами, броней, средствами связи и ПГУ – пайком, готовым к употреблению.

Я голоден и слаб, и хочу броситься к запасам провизии, но сначала мы с Григорием относим тело Лины к транспортнику и осторожно кладем ее на одну из длинных скамей в хвостовой части. Григорий сидит рядом, не сводя с нее глаз. Я достаю толстое одеяло из ящика с припасами, накрываю ее тело, затем выхожу и закрываю за собой дверцу.

Я рывком открываю один ПГУ и жадно набрасываюсь на еду, едва останавливаясь, чтобы дышать. Задняя дверца транспортника распаивается, выходит Григорий. Его глаза все еще мокрые от слез и налиты кровью. Запустив нагревательный элемент во втором ПГУ, я передаю его ему. Мы не говорим ни слова, так как оба слишком устали и потрясены случившимся. Дрожа в холодном депо, мы едим в тишине.

Наевшись, я устанавливаю обогреватель в другой военный транспорт и выравниваю пол одеялами и спальниками. Спать в командном пункте может быть удобнее, но пространства в автомобиле меньше и его легче обогревать.

– Что теперь? – спрашивает Григорий.

– Нам нужно немного отдохнуть. Когда Гарри доберется сюда, мы уточним наш план и начнем раскопки в кратере.

Григорий кивает и направляется к нашему транспорту.

Внезапно мне приходит в голову мысль.

– На самом деле, есть еще кое-что, что мы можем сделать, прежде чем они попадут сюда.

Он поднимает брови.

– Поиск выживших.

– Как?

– Вероятно, здесь есть несколько беспилотников наблюдения с инфракрасными датчиками. Я настрою их, чтобы сделать полный обзор лагеря. Мы будем спать, пока они закончат облет.

Даже если кто-то пережил взрывную волну, его похоронили под обломками на четыре дня, вероятно, без еды. Маловероятно, что мы сможем кого-то найти, но я не могу заснуть, зная, что мы, по крайней мере, не ищем тех, кто нуждается в помощи.

* * *

Стоит только дронам взлететь и начать передавать информацию нам в командный пункт, как Григорий и я забираемся в спальные мешки внутри транспорта. Будильник установлен на три часа – примерно такое время понадобится дронам, чтобы завершить поиск выживших.

* * *

Я просыпаюсь от того, что чьи-то руки хватают меня за плечи, толкают на пол, трясут. Чей-то голос что-то кричит.

Мое лицо все еще болит от удара локтем, который я получил перед падением астероида. Остальная часть моего тела чувствует себя еще хуже из-за подъема по водоносному горизонту и копания на развалинах Олимпа.

В темноте я понимаю, что меня трясет Григорий, слова, которые он произносит по-русски, возможно, ругательства.

На моем телефоне надрывается будильник.

– Ты установил код на свой будильник? – бормочет Григорий, когда понимает, что я не сплю.

Я переворачиваюсь и нажимаю шесть цифр в телефоне, заставляя его умолкнуть.

– Да, чтобы он гарантированно меня разбудил.

– Разбудил он только меня.

Мы выбираемся из транспортника и открываем блок управления беспилотниками. Он размером с портфель, с панелью управления на одной половине и сенсорным экраном на другой. На экране отображается карта лагеря № 7 со слоями для спутниковых и инфракрасных снимков. Я переключаюсь на инфракрасный порт и чувствую прилив надежды.

Есть признаки жизни.

Их двадцать шесть. Все в завалах под жилищами, что меня удивляет. Как и в других лагерях Атлантического Союза, в лагере № 7 есть склады и оранжереи по всей периферии, за пределами населенных пунктов. Из опроса беспилотников становится очевидным, что склады и теплицы были уничтожены взрывом. Я надеялся, что хотя бы один или два объекта на стороне лагеря напротив взрывной волны могли бы выжить и что мы найдем там выживших. Но нам настолько не повезло.

Двадцать шесть выживших. Я ожидал и надеялся на большее.

Спасение их гораздо более важно, чем эвакуация Цитадели. Нам нужно действовать быстро.

На мгновение я раздумываю, не попытаться ли выкопать Оливера из подвала Олимпа. Мы могли бы использовать его помощь. Как и Оскар, Оливер может проплыть через водоносный горизонт и аварийную водопроводную трубу Цитадели. Он мог бы удвоить скорость, с которой мы эвакуируем людей из Цитадели, и спасенные могли бы помочь нам восстановить выживших здесь, на поверхности. Но у нас есть две проблемы, чтобы последовать за Оливером.

Во-первых, потребуется время, чтобы добраться до него, даже с тяжелым оборудованием здесь, в бункере. Я не решался использовать экскаватор на Олимпе раньше, потому что надеялся, что в обломках есть выжившие. Облет территории беспилотниками подтверждает, что среди мусора в живых не осталось никого. Тем не менее, используя в раскопках экскаватор, можно все же непреднамеренно навредить Оливеру. В процессе поиска мы можем разорвать его пополам.

Вторая проблема заключается в том, что я сомневаюсь, что Оливер пережил разрушение здания и остался в рабочем состоянии. Подвал под Олимпом не был построен с той же строгостью, что и ЦЕНТКОМ, а на него обрушилось вдвое больше строительной массы. Если бы Оливер все еще работал, он бы ответил на запрос Оскара. В лучшем случае – он не в сети, а это значит, что он либо сохраняет энергию, либо поврежден.

Нам с Григорием остается спасти выживших людей. Я хотел бы знать, как долго им осталось жить. Несколько дней? Часов? Минут?

Посреди пола я оставляю записку Оскару, Гарри и Идзуми, сообщая им, что мы отправились на поиски выживших.

– За кем пойдем в первую очередь? – спрашивает Григорий.

Ответ приходит ко мне немедленно. Возможно, это не самый мудрый шаг, но единственный, который я могу предпринять.

– Где знаки жизни с самой низкой массой.

– Дети.

– Совершенно верно.

Глава 18

Эмма

После того, как Оскар ушел с Гарри и Идзуми, я занялась тем, что, наверное, следовало бы сделать, когда мы только приехали, – проверять запасы еды.

Мы проводили подсчет наших поставок пять дней назад. Но мы физически не открывали каждую коробку и не заглядывали внутрь. Когда мы с Миной распечатываем коробки с ПГУ и пайками, я шокирована тем, что обнаруживается внутри: еда испортилась. Несколько ящиков с ПГУ, должно быть, были повреждены при транспортировке в Цитадель. Срок годности их содержимого закончился несколько месяцев, а то и лет назад. Принимая во внимание эти пропавшие запасы, мы обнаруживаем, что еды осталось на двенадцать дней, а не на шестнадцать, как мы считали ранее.

Джеймс должен это знать.

Днями напролет мы смотрим на дверь, ожидая, как он, Григорий или Оскар выйдут из водоочистой станции. Но никто из них не возвращается.

Той ночью я держу Элли рядом, надеясь, что Джеймс придет и разбудит меня.

Но он не приходит.

Когда я просыпаюсь, его нет в нашей постели. На данный момент мы не слышали о Джеймсе или ком-либо из его команды почти двадцать четыре часа. Кто-то уже должен был вернуться – по крайней мере, Оскар, для того, чтобы взять с собой других в помощь на поверхность. Больше всего я боюсь, что Джеймс и его команда ранены или мертвы.

Если они все еще живы и пытаются вытащить нас отсюда, то считают, что еды у нас осталось на шестнадцать дней. Нам нужно дать им как минимум столько времени.

Прошлым вечером я не ужинала, как и большинство взрослых. А этим утром Эбби, Мэдисон и я разделили ПГУ на завтрак – этого едва хватило, чтобы приглушить чувство голода, сидящее где-то глубоко внутри меня.

После завтрака те, кто остался от команды, встречается на кухне. Каждого из нас, сидящего на стуле, выдают усталые глаза – все боятся того, что ждет впереди.

– Хорошо, – говорит Фаулер, – очевидно, нам нужно растянуть срок использования запасов продовольствия. Давайте обсудим наши варианты.

Предложения, раздающиеся из разных углов комнаты – от Мин, Шарлотты и полковника Эрлса, – дают мне понять, что никто из нас не думает, есть ли вообще какие-либо варианты. Или, по крайней мере, хорошие.

– Единственный очевидный для меня вариант, – говорит Эрлс, – это сокращение населения.

Даже будучи такими усталыми и голодными, мы реагируем на это: Шарлотта недовольна, Мин удивлена, а Фаулер смотрит с любопытством. Я в ужасе от этой идеи.

– Что именно вы предлагаете? – спрашивает Фаулер. – У нас нет возможности вывести отсюда больше людей.

Очевидно, он надеется, что Эрлс имел в виду не то, что мы все подумали.

– Нет. Население останется таким же. Я бы попросил добровольцев из моих войск прекратить употреблять пайки.

– Это абсурд, – говорит Шарлотта.

– Я не думаю, что мы уже дошли до такого, – произносит Мин с каменным лицом.

– Чем раньше мы примем решение, тем больше времени у нас будет, – парирует Эрлс. – Я думаю, можно предположить, что что-то случилось с Джеймсом и его командой на поверхности. В лучшем случае что-то замедлило их. Это может быть что угодно: возможно, проход к

водоносному горизонту рухнул, или костюмы были повреждены, или обрушилась труба. Итог: если мы ничего не сделаем, то даем им на четыре дня меньше, чем они думают.

Эрлс умолкает на мгновение.

– Идзуми сказала, что те, у кого крепкое здоровье, будут лучше переносить уменьшение рациона. Особенно те, у кого избыток жира и мышц. Мои люди в форме. У них не так много жира на их теле, но много мышц. И они были обучены работать в сложных условиях.

Шарлотта качает головой.

– Насколько нам известно, Джеймс может прибыть через неделю, и эти люди будут голодать ни за что.

– Вовсе нет, мэм. Мы на войне. На войне вы сражаетесь в битве и не всегда знаете, как эта битва повлияет на исход войны. Каждый из солдат здесь дал клятву, когда вступил в армию Атлантического Союза – клятву защищать своих граждан и отдавать свою жизнь в случае необходимости.

– Это не битва, – настаивает Шарлотта.

– Она самая, мэм. Голод – это оружие, которое наш враг использует против нас. Мы должны бороться с этим только так, как можем, – путем сокращения количества ртов, которые должны кормить.

Я качаю головой.

– Шарлотта права. И, кроме того, нам нужно обдумать, что произойдет, когда мы выберемся отсюда. Нам могут понадобиться эти войска больше, чем сейчас. Они должны быть в хорошей форме, чтобы помочь нам. Нет, я против этого.

– Что ты предлагаешь? – спрашивает меня Мин.

– Давайте рассмотрим предложенный ранее план экстремального нормирования. Все взрослые снижают потребление калорий. Если мы это сделаем, могу поспорить, что мы можем выгадать еще четыре дня – то время, которым, как думает Джеймс, мы обладаем.

– Этот вид нормирования должен иметь определенный эффект. Люди будут вялыми. Раздраженными.

– Да. Но мы все будем живы.

Глава 19

Джеймс

Мы с Григорием загружаем военный транспорт, в котором спали, припасами: едой, лекарствами и средствами связи.

Поверх одежды мы надеваем армейское зимнее снаряжение, включая толстые перчатки и утепленные шлемы.

Григорию, похоже, не терпится выбраться из этого бункера и отправиться на поиски людей, захороненных в завалах. Работа отвлечет его внимание от Лины, и я думаю, что найти кого-то живым будет для моего друга полезно.

– Мы будем копать вручную? – спрашивает он.

– Нам придется. Экскаватор слишком большой, чтобы использовать его в местах, где есть признаки жизни. Это может принести больше вреда, чем пользы. К тому же он понадобится нам в кратере Цитадели.

– Мы собираемся выкопать их?

– Да.

Григорий кивает, словно одобряя план.

Забравшись в транспорт, я переключаюсь на ручное управление и жму педаль газа в пол. Массивный грузовик выбирается из бункера, съезжает по трапу и устремляется в туманное раннее утро. Песчаные, обычно переполненные улицы лагеря № 7 завалены мусором. Сцена напоминает мне прибрежные города после сильного урагана, как будто гигантский молот пробил все вокруг и разлетелся на части.

Наша цель – жилище того же размера и конфигурации, что и наше с Эммой и Элли. Семейный дом с тремя спальнями.

Одеяло из снега теперь покрывает кучу щебня.

Я выхожу из грузовика и кричу:

– Привет! Мы здесь, чтобы помочь!

Я жду немного.

– Если вы меня слышите, пожалуйста, ответьте.

Единственный звук – холодный ветер, дующий среди дюн белого мусора.

Мы не глушим мотор транспортника – солнечные панели сверху легко заряжают его даже при уменьшенной мощности солнца – и включаем обогрев грузового отсека, где мы оставили наши одеяла и спальные мешки: импровизированную переносную больничную палату. В зависимости от того, что мы найдем, это может стать операционной. Я выложил необходимые медикаменты, но надеюсь, что Идзуми скоро приедет – она гораздо лучший хирург, чем я.

Григорий идет к месту, где приблизительно на карте отображаются признаки жизни, и начинает копать, сметая снег и собирая разрушенные куски здания по одному и выбрасывая их.

Я присоединяюсь, молча осматривая обломки: куски солнечных батарей, которые покрывали верхнюю часть дома; рядом валяются куски крыши и потолка, фонари. Дальше куски стены. Верхний слой обломков покрывает тот же самый черный липкий слой, который мы нашли в обломках здания Олимпа. Я на секунду осматриваю его, растирая вещество между пальцами в перчатках, и ищу какие-либо различия между двумя образцами. Кажется, вещество то же самое. Песчаное, слегка липкое. Я думаю, что вижу блеск в середине образца. Вероятно, это просто солнечный свет, играющий шутки с моими глазами.

Я вытираю руки и продолжаю копать и замедляюсь, когда мы начинаем находить детские игрушки. Первая – пластиковая доска с кусочками головоломки разной формы: круг, треугольник, прямоугольник, сердце и квадрат, каждый своего цвета. Это обучающая игра для

малышей – у Элли есть такая же. Минуту спустя я беру разбитый планшет и замечаю ногу под ним. Тогда я ускоряюсь, чтобы открыть торс, руки и лицо.

Ребенок не старше пяти или шести лет, это мальчик с темно-каштановыми волосами. Глаза закрыты, кожа серая, жесткая и холодная.

Григорий и я стоим там, не сводя с него глаз, ошеломленные увиденным. Ветер сдувает песок, пыль и снег с ребенка. Я наклоняюсь и стряхиваю песчинки с его лица, а затем поднимаю его тельце и несу обратно к транспортнику, где накрываю одеялом. Я ошибался. Военный транспорт – больше, чем мобильная операционная. Это еще и катафалк.

Интересно, был тот самый знак жизни, который опознал дрон? Если так, умер ли ребенок после обследования беспилотника? Этот мальчик цеплялся за жизнь, пока мы с Григорием спали в бункере ЦЕНТКОМа? Мы наелись, сидя в тепле, а он был здесь и умирал. Замерзая в ожидании спасения, которое так и не пришло.

Эта мысль разрывает меня, словно жернова, на мелкие кусочки. Мы могли бы копать быстрее. Мы могли бы меньше спать.

Я должен знать, есть ли кто-нибудь еще в этой гряде щебня.

Открыв блок управления беспилотником, я изучаю карту. Когда он пролетел здесь несколько часов назад, он оценил массу выжившего в двадцать килограммов. Парень, которого мы только что нашли, примерно такого же веса, если я правильно угадал. Но я должен быть уверен.

– Хочу, чтобы дрон совершил еще один облет, – говорю я Григорию и начинаю копать. Никто из нас больше не говорит об этом. Мы просто предполагаем, что там еще кто-то есть. И надеемся.

Пять минут спустя я поднимаю обеденный стол с детской груди. Маленькое тело недвижимо. Я убираю остатки мусора с мальчика, обнажая его голову и лицо. У него короткие каштановые волосы и пурпурный синяк на левой щеке. Высохшая кровь запеклась вокруг носа. Должно быть, он спрятался под обеденным столом, но этого было недостаточно. Они с Элли примерно одного возраста.

Блок управления беспилотником подает короткий звуковой сигнал, звук, указывающий, что исследование завершено.

Я иду обратно к грузовику и сканирую обновленную карту. Единственные тепловые отметки – это грузовик, Григорий и я.

Мы опоздали. На сколько? Минуты? Часы? Если бы мы копали быстрее, меньше спали ...

Я не могу так думать. Мы должны продолжать двигаться. Это единственное, что мы можем сделать.

Когда мы загрузили второго ребенка в грузовик, Григорий указывает на карту.

– Мы должны отдавать приоритет тем, у кого больше жизненных сил.

– Нет. Сначала мы ищем выживших с минимальным весом.

– Взрослые...

– Взрослые – родители – хотели бы, чтобы их дети спаслись первыми.

Я знаю, что это правильно, потому что если бы я был похоронен в гряде мусора и Элли была бы рядом со мной, я бы хотел, чтобы ее забрали, несмотря ни на что. Вот что мы собираемся сделать.

* * *

Следующее здание находится в нескольких кварталах. Это куча раскрошенного мусора, которая выглядит тревожно похожей на ту, которую мы только что оставили.

Солнце сейчас еще высоко в небе, но могу поклясться, что кажется, будто становится холоднее. Это подтверждает моё подозрение, что Сеть размещает солнечные ячейки между

нами и Солнцем. Если так, мир скоро снова станет ледяным шаром. На этот раз у нас нет инструментов для восстановления нашей цивилизации. И у нас очень мало ресурсов, которые помогли бы нам в борьбе. Пока я копаюсь, я не могу не думать о том, как мы это переживем.

Процесс это медленный и изнурительный. Вскоре я задыхаюсь, мое дыхание выходит струей белого пара.

– Я должен сделать перерыв, – говорю я Григорию, снимая перчатки.

Он следует за мной обратно к грузовику, и мы сидим в кабине, греемся, каждый жует протеиновый батончик, запивая водой и глядя прямо перед собой.

– Он использует солнечные ячейки, чтобы заморозить нас, – говорит Григорий.

– Вероятно.

– Скажи мне, что мы будем сражаться.

– Если мы можем.

– Обещай мне, Джеймс, что мы будем сражаться с ними.

Три года назад я бы сказал: конечно, мы будем сражаться. Но я теперь отец. Что хорошего в сражении, если оно не спасет моих детей? Месть – это роскошь. Выживание является необходимостью.

– Мы собираемся сделать то, что мы должны сделать, чтобы выжить.

Я уверен, что Григорию не нравится этот ответ. Он качает головой и откусывает еще один кусок протеинового батончика. Я не виню его за желание нанести ответный удар по врагу, который убил его любимую женщину. Он не хочет больше выживать – только не без нее. Он хочет причинить вред тому, что ранило его.

Мы копаем пятнадцать минут, пока не добираемся до игрушек. Чучело медведя. Десяток маленьких фигурок животных. Пластиковый сарай, разбитый на куски. Желтая ограда, которая должна была обойти сарай, вся смята. Простыни с мультяшной принцессой и принцем – персонажи, которых я не узнаю.

Там также есть маленькая детская палатка, опорная рама которой изогнута, но ткань по-прежнему не повреждена. У Элли есть такая же. У себя в голове я могу представить, как будто она установлена в нашей гостиной. Круглая с коническим верхом, красно-белые полосатые стены, над входом висят синие занавески. Я вижу, как она прячется внутри, я смотрю сквозь синие створки, чтобы напугать ее, и звук ее смеха заполняет маленький дом.

Я наклоняюсь, чтобы поднять синие створки входа. И замираю при виде руки ребенка. Я зову Григория, и когда он подходит ближе, я осторожно раскрываю палатку, открывая белокурые пряди волос, слипшиеся от крови. Срывая перчатку, я отбрасываю ее волосы и легонько кладу пальцы на шею.

Глаза застилают слезы, когда я чувствую слабое биение пульса.

Очевидно, что АтлантикНет не работает, поэтому у меня нет возможности посмотреть, кто здесь жил, и я не узнаю эту девочку. Я бы хотел назвать ее по имени, но вынужден ограничиться лишь:

– Эй, ты меня слышишь? – И поворачиваюсь к Григорию: – Давай посадим ее в транспорт.

Мы осторожно поднимаем ее и несем через обломки. Она совершенно безвольно висит в наших руках и кажется такой хрупкой. Она выше, чем Элли, возможно, трех-четырёх лет. Я полагаю, что она спряталась в своей палатке, когда услышала рокот. Ее родители сказали ей идти туда? Мы не нашли их тела. И, исходя из показаний дронов, я знаю, что мы обнаружим, если продолжим искать.

В грузовике я быстро провожу наружный осмотр. На лодыжке девочки сине-черный синяк. Подобный ушиб есть и на ее левой руке, но он выглядит более серьезно; кость, вероятно, сломана.

– Что нам делать? – спрашивает Григорий.

– Без понятия.

– Разве ты не доктор?

– Технически, да.

– Ну, и что, технически, тут можно сделать?

Закрыв глаза, я тру пальцами веки.

– Не знаю, Григорий.

Холод, отсутствие сна и постоянные боли начинают влиять на меня.

Григорий непоколебим.

– Что ты имеешь в виду, что ты не знаешь?

– У меня была практика в экстренной медицине двадцать лет назад, но с тех пор я ее никак не касался.

Он вскидывает руки вверх.

– Я помню вещи, которые я узнал двадцать лет назад.

– Ты достаточно уверен в этом, чтобы рисковать чьей-то жизнью? Жизнью ребенка?

Когда ты можешь причинить больше вреда, чем пользы?

– Хорошо, хорошо. Не будь таким чувствительным.

Долгое время мы просто сидим и смотрим на девочку. Она выглядит так мирно, как будто она только что заснула. За исключением пятна крови на лбу. Ну, *это*-то я могу сделать.

Я беру спиртовую салфетку из аптечки и очищаю рану. Девочка вздрагивает, но не просыпается. Я воспринимаю это как хороший знак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.